

Кладбище домашних животных

Автор:

Стивен Кинг

Кладбище домашних животных

Стивен Эдвин Кинг

Казалось бы, семейство Крид – это настоящее воплощение «американской мечты»: отец – преуспевающий врач, красавица мать, прелестные дети. Для полной идиллии им не

хватает лишь большого старинного дома, куда они вскоре и переезжают.

Но идиллия вдруг стала превращаться в кошмар. Потому что в окружающих их новое жилище вековых лесах скрывается НЕЧТО более ужасное, чем сама смерть и... более могущественное.

Стивен Кинг

Кладбище домашних животных

© Stephen King, 1983

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2015

© AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Керби Макколи

Большое спасибо Рассу Дорру и Стиву Уэнтурту из Бриджтона, штат Мэн. Рассу – за информацию по медицине, а Стиву – за информацию по американским погребальным обычаям и за то, что помог понять природу скорби.

Стивен Кинг

Вот некоторые из людей, написавших книги о том, что они сделали и почему:

Джон Дин. Генри Киссинджер. Адольф Гитлер. Кэрил Чессман. Джеб Магрудер. Наполеон. Талейран. Дизраэли. Роберт Циммерман, также известный как Боб Дилан. Локк. Чарлтон Хестон. Эррол Флинн. Аятолла Хомейни. Ганди. Чарльз Олсон. Чарльз Колсон. Викторианский джентльмен. Доктор Икс.

Также многие верят, что Бог написал Книгу или несколько Книг, в которых рассказал нам о том, что Он сделал, и – хотя бы отчасти – объяснил, почему Он так сделал. А поскольку многие верят и в то, что Бог сотворил человека по образу и подобию Своему, значит, и Бога можно считать человеком... или, точнее, Человеком.

А вот некоторые из людей, не писавших книги о том, что они сделали... и что видели:

Человек, хоронивший Гитлера. Человек, делавший вскрытие Джона Уилкса Бута. Человек, бальзамировавший Элвиса Пресли. Человек, подготовивший к погребению – и подготовивший весьма посредственно, по словам большинства гробовщиков, – папу Иоанна XXIII. Четыре десятка рабочих из похоронных бригад, которые очищали Джонстаун, таскали мешки с телами, отгоняли мух, протыкали бумажные стаканчики острыми палками, как у зрителей городских парков. Человек, кремировавший Уильяма Холдена. Человек, оправивший в золото тело Александра Македонского, чтобы оно не разлагалось. Люди, которые мумифицировали фараонов.

Смерть – загадка, похороны – таинство.

Предисловие

Когда меня спрашивают (а спрашивают меня часто), какая из моих книг мне самому кажется самой страшной, я не задумываясь отвечаю: «Кладбище домашних животных». Возможно, читатели считают иначе – судя по письмам, больше всего их пугает «Сияние», – но все люди разные, каждого из нас смешат и пугают совершенно разные вещи. Я знаю только, что в свое время спрятал подальше рукопись «Кладбища», понимая, что меня все-таки занесло и я слишком далеко зашел. Как потом оказалось, не так уж и далеко – по крайней мере в том, что приемлемо для читателей. Но в том, что касается моих личных переживаний, это действительно было слишком. Проще сказать, меня самого ужаснуло то, что я написал, и к каким заключениям пришел в этой книге. Я уже неоднократно рассказывал историю создания «Кладбища», но, наверное, можно ее повторить еще раз; последнее слово дороже любого.

В конце 1970-х меня пригласили на целый учебный год в мою alma mater, Мэнский университет, в качестве преподающего литературу писателя, также там я вел специальный курс фантастической литературы (заметки для лекций к этому курсу легли в основу книги «Пляска смерти», вышедшей в свет двумя годами позже). Мы с женой сняли дом в Оррингтоне, милях в двадцати от кампуса. Замечательный дом в замечательном крошечном городке провинциального Мэна. Если нам что и не нравилось, так это дорога, проходившая перед домом. На ней было очень оживленное движение и постоянно ездили грузовики и цистерны от химического завода, стоявшего неподалеку.

Хулио Десанктис, хозяин магазинчика напротив нашего дома, сразу предупредил нас с женой, что надо хорошенько следить, чтобы дети и домашние животные не выбегали на дорогу. «Это плохая дорога. На ней гибнет много животных», – сказал нам Хулио, и эту фразу я потом перенес в книгу. Подтверждением его слов служило кладбище, которое располагалось в лесу за нашим домом, а точнее, за полем на соседнем участке. На дощечке, прибитой к дереву у входа на этот маленький трогательный погост, было написано: «КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖЫВОТНЫХ». Эта надпись – именно такая, с орфографическими ошибками – не только вошла в мою книгу, но и стала ее названием. Там были похоронены собаки и кошки, несколько птиц, даже одна коза.

У моей дочки, тогда восьмилетней, был кот по имени Смаки, которого она обожала, но вскоре после переезда в Оррингтон я нашел его мертвым на лужайке у дома через дорогу. Кот моей дочери тоже погиб на плохой дороге, на шоссе номер 5. Мы похоронили его на кладбище домашних животных. Дочка сама соорудила надгробие и написала на нем: «СМАКИ: ОН БЫЛ ПОСЛУШНЫМ». (Разумеется, Смаки не был послушным; он был котом!)

Все вроде бы было нормально, пока в какой-то из вечеров я не услышал топот, доносившийся из гаража и сопровождавшийся плачем и странными хлопками, похожими на взрывы крошечных хлопушек. Я пошел посмотреть, что происходит, и обнаружил в гараже свою дочь, разъяренную и прекрасную в горе. Она нашла несколько больших листов пупырчатой пленки, которую используют для упаковки хрупких предметов, расстелила их на полу и давила пузырьки ногами с криками: «Это был мой кот! Пусть Бог заведет своего кота! А Смаки был мой!» Я считаю, что подобная ярость – самая правильная реакция думающего, восприимчивого человека на настоящее, большое горе. И я всегда восхищался дочерью за ее дерзкий выкрик: Пусть Бог заведет своего кота! Все верно, малышка, все верно.

Наш младший сын, которому тогда не исполнилось и двух лет, еще только учился ходить, но уже вовсю упражнялся в беге. В один не самый прекрасный день, вскоре после гибели Смаки, когда мы с соседями запускали воздушного змея у них во дворе, нашему малышу взбрело в голову побежать к дороге. Я рванул следом за ним и уже на бегу услышал, как по шоссе грохочет приближающийся грузовик «Чанбро» (в романе – «Оринко»). Я до сих пор не уверен, что именно произошло: либо я поймал сына и сбил его с ног, либо он упал сам. Когда тебе по-настоящему страшно, память нередко подводит. Я знаю только, что сын жив-здоров, он уже не ребенок, а молодой человек. Но где-то на самом краю сознания непрестанно маячит это кошмарное а что, если. Что, если бы я не успел его перехватить? Что, если бы он упал на дорогу, а не на обочину?

Думаю, теперь вам понятно, почему книга, возникшая из этих переживаний, так меня беспокоит. Я взял за основу реальные события и добавил к ним это ужасное а что, если. Иными словами, неожиданно для себя самого я не только помыслил немыслимое – я его записал.

В нашем оррингтонском доме было не так много места, но в магазине Хулио очень кстати имелась свободная комната, где я и писал «Кладбище домашних животных». День за днем я работал над книгой и наслаждался процессом;

я понимал, что сочиняю «забористую» историю, которая захватила мое внимание и непременно захватит внимание читателей, но когда работаешь день за днем, перестаешь видеть лес и только считаешь деревья. Закончив книгу, я дал ей отлежаться месяца полтора – я всегда так работаю, – а потом перечитал на свежую голову. Результат был настолько ошеломляющим и пугающим, что я убрал рукопись в дальний ящик стола, убежденный, что эту книгу не напечатают никогда. По крайней мере при жизни автора.

Но обстоятельства сложились так, что ее все-таки напечатали. Я прекратил сотрудничество с издательством «Даблдей», где выходили мои первые книги, однако по условиям контракта, чтобы закрыть все счета, я должен был им еще одну, последнюю книгу. У меня в наличии имелась только одна «свободная» книга, и это было «Кладбище домашних животных». Я посоветовался с женой, к которой всегда обращаюсь, когда не знаю, как поступить, и она сказала, что книгу надо опубликовать. Она считала, что это хорошая книга. Страшная, да – но слишком хорошая, чтобы прятать ее от мира.

Билл Томпсон, мой первый редактор в «Даблдей», тогда уже перешел в другое издательство (кстати, в «Эверест хаус»; именно Билл предложил мне написать «Пляску смерти», а потом отредактировал ее и выпустил в свет), и я отослал рукопись Сэму Вону, одному из лучших редакторов того времени. Именно Сэм принял окончательное решение: он захотел сделать книгу. Он отредактировал «Кладбище» сам, уделив особенно пристальное внимание окончанию истории, и благодаря его вкладу изначально хорошая книга стала еще лучше. Я всегда буду благодарен ему за вдохновенную редактуру, и я ни разу не пожалел, что опубликовал эту книгу, хотя лично мне она до сих пор представляется жуткой и противоречивой.

Мне никак не дает покоя самая пронзительная фраза книги, произнесенная стариком Джадом Крэндаллом, соседом Луиса Крида. «Иногда смерть – не самое худшее». Я всем сердцем надеюсь, что это неправда, однако в кошмарном контексте «Кладбища домашних животных» все именно так и есть. И, быть может, это неплохо. Быть может, «иногда смерть – не самое худшее» – это последний урок, который мы извлекаем из настоящего горя, когда устаем топтать ногами пупырчатую пленку и кричать Богу, чтобы завел себе собственного кота (или собственного ребенка), а наших не трогал. Быть может, это подсказка от мироздания: в конечном итоге мы обретаем покой в нашей человеческой жизни, только когда принимаем волю Вселенной. Возможно, это напоминает дурацкий эзотерический бред, но альтернатива видится мне

беспросветной тьмой, настолько жуткой и тягостной, что мы, смертные существа, ее просто не вынесем.

20 сентября 2000 г.

Часть первая. Клатбище домашних животных

Иисус сказал им: «Лазарь, друг наш, уснул, но Я иду разбудить его».

Ученики переглянулись, и некоторые заулыбались, ибо не знали они, что Иисус говорил метафорически. «Господи, если уснул, то выздоровеет».

Тогда Иисус сказал им прямо: «Лазарь умер, да... но все равно пойдем к нему».

Евангелие от Иоанна (парафраз)

1

Луис Крид, потерявший отца в три года и вовсе не знавший деда, не ожидал обрести нового отца уже будучи в зрелом возрасте, но именно так и произошло... хотя он называл этого человека другом, как и пристало взрослому мужчине, который внезапно находит второго отца. Луис встретил его в тот вечер, когда вместе с женой и двумя детьми въехал в большой белый дом в Ладлоу. С ними приехал и Уинстон Черчилль. Черч был котом его дочери Эйлин.

Кадровая комиссия в университете работала медленно, поиски жилья поближе к работе напоминали кошмарный сон, и к тому времени, когда все семейство почти добралось до места, где должен был находиться дом – ориентиры вроде бы верные... как знамения на небесах в ночь перед убийством Цезаря, мрачно подумал Луис, – они все устали и были взвинчены до предела. У Гейджа резались зубы, и он куксился всю дорогу. Никак не желал засыпать, сколько бы Рэйчел его ни укачивала. Она дала ему грудь, хотя время кормления еще не пришло. Гейдж знал обеденное расписание не хуже – а может, и лучше – матери

и незамедлительно укусил ее своими новенькими зубами. Рэйчел, все еще сомневавшаяся насчет переезда в Мэн из Чикаго, где она прожила всю жизнь, расплакалась. К ней тут же присоединилась Эйлин. Черч продолжал беспокойно метаться в задней части микроавтобуса, как и все трое суток пути из Чикаго. Истошные вопли из кошачьей переноски были невыносимы, но эти метания по салону, когда его все-таки выпустили на волю, раздражали не меньше.

Луис и сам чуть не плакал. Ему в голову вдруг пришла одна мысль, дикая, но заманчивая: а не предложить ли семейству вернуться в Бангор – что-нибудь перекусить в ожидании фургона с вещами, – и как только трое его самых близких людей выберутся из машины, втопить педаль газа в пол и умчаться прочь не оглядываясь. Умчаться на полной скорости, скармливая дорогуший бензин огромному четырехкамерному карбюратору микроавтобуса. Он мог бы поехать на юг, в Орландо, штат Флорида, и устроиться там врачом в Диснейуорлд под новым именем. Но прежде чем вырулить на шоссе – старую добрую магистраль 95, – он остановился бы у обочины и выкинул окаянного кота.

Но тут они свернули за последний поворот, и впереди показался дом, который прежде видел только Луис. Он прилетал сюда один и осмотрел все семь вариантов, которые они подобрали по фотографиям, когда стало понятно, что должность в Мэнском университете точно достанется ему, и выбрал именно этот: большой старый дом в колониальном стиле (но отремонтированный и отделанный заново; стоимость отопления, хоть и довольно высокая, все же не была запредельной), три большие комнаты внизу, еще четыре – наверху, длинный сарай, который со временем можно будет переоборудовать под жилое помещение, а вокруг простираются совершенно роскошные луга, сочно-зеленые даже в августовскую жару.

За домом располагалось огромное поле, где могли играть дети, а за полем – лес, протянувшийся чуть ли не в бесконечность. Участок граничил с государственными землями, объяснил агент по продаже недвижимости, и в обозримом будущем никаких новых застроек здесь не предвидится. Индейское племя микмаков предъявило права на почти восемь тысяч акров земли в Ладлоу и в других городах к востоку от Ладлоу, но там все очень запутанно, так что их тяжба с федеральными властями и правительством штата вполне может растянуться до следующего столетия.

Рэйчел вдруг прекратила плакать и резко выпрямилась.

– Это и есть...

– Да, это он, – сказал Луис. Ему было тревожно... нет, ему было страшно. На самом деле его охватил ужас. На выплату по закладной уйдет двенадцать лет жизни; к тому времени Эйлин исполнится семнадцать.

Он сглотнул слюну.

– Ну как тебе? Что скажешь?

– Скажу, что мне нравится, – ответила Рэйчел, и у Луиса словно камень с души свалился. Он видел, что она говорит правду, видел по ее глазам; как только они свернули на асфальтированную подъездную дорожку, Рэйчел принялась изучать пустые окна. В мыслях она уже развешивала занавески, подбирала клеенку для полок буфета и делала бог знает что еще.

– Папа? – позвала Эйлин с заднего сиденья. Она тоже перестала плакать. Даже Гейдж прекратил хныкать. Луис наслаждался тишиной.

– Что, солнышко?

Ее глаза в зеркале заднего вида, карие под русой челкой, тоже рассматривали дом, лужайку, крышу еще одного дома далеко слева и огромное поле, что протянулось до самого леса.

– Это наш дом?

– Будет наш, моя радость.

– Ура! – закричала она так, что у Луиса зазвенело в ушах. И хотя временами Эйлин изрядно его раздражала, теперь он решил, что совсем не расстроится, если никогда в жизни не увидит Диснейуорлд в Орландо.

Он поставил машину перед сараем и заглушил двигатель.

Мотор пощелкивал, остывая. В предвечерней тишине, казавшейся невероятной после Чикаго и шума Стейт-стрит, пела птица.

– Наш дом, – тихо проговорила Рэйчел, не сводя взгляда с белого здания.

– Дом, – с довольным видом произнес Гейдж у нее на коленях.

Луис и Рэйчел переглянулись. В зеркале заднего вида глаза Эйлин расширились.

– Ты...

– Он...

– Что...

Они все заговорили одновременно, а потом рассмеялись. Гейдж не обращал на них внимания; он продолжал сосать палец. Он уже почти месяц назад научился говорить «ма» и пару раз пробовал произносить что-то похожее на «па-а», если Луис, конечно, не выдавал желаемое за действительное.

Но это – пусть даже случайно или из-за простого звукоподражания – было самое что ни на есть настоящее слово. Дом.

Луис взял сына с колен жены и крепко его обнял.

Так они приехали в Ладлоу.

2

В памяти Луиса Крида это мгновение навсегда запечатлелось исполненным волшебства и покоя – отчасти, наверное, потому, что оно и вправду было волшебным, но в основном потому, что вечер закончился совершенно безумно. В следующие три часа ни о каком волшебстве и покое не было и речи.

Ключи от дома Луис аккуратно (Луис Крид всегда был весьма обстоятельным и аккуратным) убрал в маленький плотный конверт и подписал его: «Дом в Ладлоу – ключи получены 29 июня». Он положил конверт в бардачок. Он был абсолютно в этом уверен. Но конверта там не оказалось.

Пока Луис искал ключи, чувствуя нарастающее раздражение, Рэйчел взяла Гейджа на руки и пошла следом за Эйлин к одинокому дереву посреди поля. Луис уже в третий раз шарил рукой под сиденьем, когда дочь завопила, а потом разревелась в голос.

– Луис! – крикнула Рэйчел. – Она поранилась!

Эйлин упала с качелей, сделанных из старой автопокрышки, и разбила коленку о камень. Ранка была неглубокой, но Эйлин вопила так, словно ей оторвали ногу, подумал Луис (да, немного цинично). Он поглядел на дом через дорогу, где в окнах гостиной горел свет.

– Хватит, Эйлин. Перестань, – сказал он. – А то соседи подумают, что здесь кого-то убивают.

– Но мне же бо-о-о-о-о-льно!

Поборов раздражение, Луис молча вернулся к микроавтобусу. Ключи исчезли, но аптечка по-прежнему лежала в бардачке. Он взял ее и пошел обратно. Эйлин увидела, что у него в руках, и завопила еще громче.

– Нет! Оно жжется! Я не хочу, чтобы жглось! Папа! Не надо...

– Эйлин, это всего лишь меркурохром, он не жжется...

– Будь большой девочкой, – сказала Рэйчел. – Это просто...

– Нет, нет, нет, нет...

– Прекрати! – вспыхнул Луис. – А то сейчас будет жечься на попе.

– Она устала, Лу, – тихо проговорила Рэйчел.

– Да, знакомое чувство. Подержи ей ногу.

Рэйчел опустила Гейджа на землю и держала ногу Эйлин, пока Луис мазал ее меркурохромом, невзирая на истерические вопли дочери.

– Кто-то вышел на крыльцо. В том доме, через улицу, – сказала Рэйчел и подхватила на руки Гейджа, который уже пополз прочь по траве.

– Прекрасно, – пробормотал Луис.

– Лу, она просто...

– Устала, я знаю. – Он закрыл пузырек с меркурохромом и мрачно взглянул на дочь. – Вот. И вовсе не больно. Ну, признавайся, Элли.

– Нет, больно! Больно! Бо-о-о...

Луису хотелось ее отшлепать, и он убрал руку за спину – от греха подальше.

– Нашел ключи? – спросила Рэйчел.

– Еще нет, – ответил Луис, закрывая аптечку и выпрямляясь. – Я...

Гейдж заорал. Он не хныкал, не плакал, а истошно кричал, извиваясь в руках у Рэйчел.

– Что с ним?! – воскликнула Рэйчел, тут же передавая сына Луису. Он подумал, что это один из тех плюсов, которые получаешь, выходя замуж за врача: всегда можно вручить ребенка мужу, когда с ребенком творится неладное. – Луис! Что...

Малыш орал, хватая себя за шею. Луис перевернул его и увидел, что сбоку на шее наливается белая шишка. А на лямке комбинезончика вяло копошилось что-то мохнатое с крыльями.

Эйлин, которая уже начала успокаиваться, опять закричала:

– Пчела! Пчела! ПЧЕЛА-А-А-А!

Она отскочила назад, споткнулась о тот же камень, о который разбила коленку, шлепнулась мягким местом на землю и снова расплакалась от боли, изумления и страха.

Я схожу с ума, удивленно подумал Луис. Ура-а-а-а!

– Сделай что-нибудь, Луис! Надо же что-то делать!

– Надо вытащить жало, – медленно проговорил кто-то у них за спиной. – В этом вся штука. Надо вытащить жало и приложить туда соду. Шишка быстро сойдет.

Человек говорил с новоанглийским акцентом, что поначалу усталый, растерянный разум Луиса вообще отказался перевести эту речь на нормальный язык: На-а-до вы-ы-тащить жа-а-ло и приложи-и-ть туда со-о-ду.

Он обернулся и увидел старика лет семидесяти – здорового и крепкого, одетого в комбинезон поверх синей хлопчатобумажной рубашки, распахнутый ворот которой открывал морщинистую шею. Лицо старика было загорелым, и он курил сигарету без фильтра. Пока Луис смотрел на него, старик затушил сигарету пальцами и аккуратно убрал в карман. Протянул руки и застенчиво улыбнулся – Луису сразу понравилась эта улыбка, а он был не из тех, кто легко заводит знакомства.

– Только не думайте, будто я учу вас делать вашу работу, док, – сказал он. Так Луис познакомился с Джадсоном Крэндаллом, которому следовало бы быть его отцом.

3

Крэндалл видел в окно, как они подъезжали, и пришел посмотреть, не нужна ли им помощь, когда ему показалось, что у них там, как он выразился, «стало чуток туговато».

Луис держал ребенка на руках, а Крэндалл подошел ближе, осмотрел шишку на шее Гейджа и протянул к нему скрюченную, пятнистую руку. Рэйчел открыла рот, пытаясь возразить – рука старика казалась ужасно корявой, и грубой, и почти такой же большой, как голова Гейджа, – но не успела сказать ни слова.

Пальцы старика совершили уверенное движение, проворно и ловко, как пальцы фокусника, – и вот жало уже лежало у него на ладони.

– Большое, – заметил он. – На первый приз не потянет, но на второй – очень даже.

Луис расхохотался.

Крэндалл улыбнулся ему своей застенчивой, слегка кривоватой улыбкой и сказал:

– Да, такой вот курьез.

– Мама, что он сказал? – спросила Эйлин, и Рэйчел тоже рассмеялась. Да, это было ужасно невежливо, но старик вроде бы не обиделся. Он достал из кармана пачку «Честерфилда», сунул в рот новую сигарету, добродушно кивнул в ответ на смех – даже Гейдж захихикал, несмотря на боль от пчелиного укуса – и зажег спичку о ноготь большого пальца. У стариков свои хитрости, подумал Луис. Хитрости мелкие, но хорошие.

Он прекратил смеяться и протянул свободную руку – ту, которая не поддерживала Гейджа под пятую точку, кстати, уже ощутимо мокрую.

– Рад познакомиться, мистер...

– Джад Крэндалл, – сказал старик, пожимая ему руку. – А вы, значит, доктор.

– Да. Луис Крид. Это моя жена Рэйчел, моя дочь Элли, а парень, которого укусила пчела, – это Гейдж.

– Рад познакомиться с вами со всеми.

– Я смеялся вовсе не потому, что... мы смеялись не потому... просто мы все... немного устали.

Это явное преуменьшение снова его рассмешило. Он чувствовал себя выжатым как лимон.

Крэндалл кивнул.

– Да уж, конечно. – Он взглянул на Рэйчел. – Почему бы вам не завести на минуточку к нам вашего малыша и вашу дочурку, миссис Крид? Сделаем ему примочку из соды. Моя жена будет рада с вами познакомиться. Она почти не выходит из дома. Артрит совсем уж замучил в последние годы.

Рэйчел взглянула на Луиса, и тот кивнул.

– Вы очень добры, мистер Крэндалл.

– Ой, зовите меня просто Джад.

Внезапно раздался гудок, послышался рокот сбавляющего обороты мотора, и на подъездную дорожку медленно вырулил синий грузовой фургон.

– О Боже, а ключи-то так и не нашлись, – сказал Луис.

– Ничего страшного, – отозвался Крэндалл. – У меня есть запасные. Мистер и миссис Кливленд... они жили тут раньше... дали мне запасные ключи, уж лет четырнадцать или пятнадцать тому как. Они долго здесь жили. Джоан Кливленд была лучшей подругой моей жены. Она умерла два года назад. Билл перебрался в дом престарелых в Оррингтоне. Я сейчас их принесу. Все равно они теперь ваши.

– Вы очень добры, мистер Крэндалл, – повторила Рэйчел.

– Вовсе нет, – сказал он. – Просто мне радостно, что тут опять будут детки. – Де-е-е-тки. Для Луиса и Рэйчел, привыкших к среднезападному произношению, говор Крэндалла звучал почти как иностранный язык. – Вы только следите, чтобы они не подходили к дороге, миссис Крид. Слишком уж тут много грузовиков.

Хлопнула дверца машины. Грузчики выбрались из кабины и теперь направлялись к ним.

Элли, отошедшая чуть в сторонку, вдруг спросила:

– Папа, а что это?

Луис, который уже собирался идти встречать грузчиков, обернулся. На краю поля, где кончалась лужайка и начиналась высокая летняя трава, виднелась тропинка шириной фута четыре. Она поднималась на холм, вилась среди низких кустов и терялась в березовой роще.

– Вроде какая-то тропинка, – ответил Луис.

– Ага, – улыбнулся Крэндаль. – Как-нибудь я тебе про нее расскажу, малышка. Ну что, пойдём лечить братика?

– Пойдем, – сказала Элли и добавила с явной надеждой: – А сода жжется?

4

Крэндаль принес ключи, но к тому времени Луис уже нашел свой комплект. Наверху в бардачке была щель, и маленький конверт провалился туда, к проводам. Луис выудил его и впустил грузчиков в дом. Крэндаль отдал ему запасные ключи. Они висели на старом, потускневшем брелоке. Луис поблагодарил старика и рассеянно сунул ключи в карман, наблюдая за тем, как грузчики вносят внутрь мебель и коробки с вещами, накопившимися у них за десять лет семейной жизни. Сейчас, вне привычного окружения, вещи казались какими-то мелкими, обесцененными. Обыкновенное барахло, рассованное по коробкам, подумал Луис, и его вдруг охватила печаль и какое-то гнетущее чувство – наверное, та самая ностальгия.

– Вырвали с корнем и пересадили в новую почву, – сказал Крэндаль, внезапно возникший рядом, и Луис даже вздрогнул от неожиданности.

– Вы явно знаете в этом толк.

– На самом деле нет. – Крэндаль достал сигарету и чиркнул спичкой. Ее огонек ярко вспыхнул в ранних вечерних сумерках. – Мой отец выстроил этот дом через дорогу. Привел в него жену, и здесь же она родила ребенка, то есть меня,

аккурат в тысяча девятисотом.

– Так вам сейчас...

– Восемьдесят три, – закончил Крэндалл, и Луис тихо порадовался про себя, что старик не добавил: «Еще в самом соку». Эту фразу он люто ненавидел.

– А выглядите вы моложе.

Крэндалл пожал плечами.

– В общем, я здесь родился и прожил всю жизнь. Когда началась Первая мировая, я пошел добровольцем, но до Европы так и не добрался. В Байонне побывал, но только в Нью-Джерси. Мерзопакостное местечко. Даже в семнадцатом году. Так что я был очень доволен, когда вернулся домой. Женился на Норме, отработал свое на железной дороге, и мы как жили тут всю жизнь, так до сих пор и живем. Но я немало всего повидал и в Ладлоу. Уж поверьте мне на слово.

Грузчики с пружинной сеткой от большой двуспальной кровати замешкались у входа в сарай.

– Это куда, мистер Крид?

– Наверх... сейчас я вам покажу. – Луис шагнул было к ним, но остановился и обернулся к Крэндаллу.

– Идите-идите, – улыбнулся старик. – И я тоже пойду, не буду мешать. Но переезд – штука такая... натаскаешься, а потом жажда мучит. Обычно около девяти вечера я сижу у себя на крыльце и пью пиво. Если погода хорошая, то засиживаюсь допоздна. Иногда Норма тоже выходит составить мне компанию. Будет желание – заходите.

– Может быть, и зайду, – ответил Луис, вовсе не собираясь этого делать. После подобного приглашения непременно последует просьба осмотреть Норму с ее артритом – попросту, по-соседски (и, конечно, бесплатно). Ему нравился Крэндалл, нравилась его застенчивая улыбка, его манера говорить, его акцент

янки, вовсе не резкий, а наоборот – мягкий, почти певучий. Хороший человек, подумал Луис, но люди быстро начинают хитрить с врачами. Как ни прискорбно, рано или поздно даже лучшие друзья обращаются к тебе за врачебной консультацией. А со стариками этому вообще нет конца. – Только особенно меня не ждите, у нас был чертовски тяжелый день.

– Ну, приходите потом, можно без приглашения, – проговорил Крэндалл с улыбкой, и что-то в этой улыбке подсказало Луису, что старик понял, о чем он думает.

Луис проводил Крэндалла взглядом. Он шел легкой походкой, с прямой спиной, как будто ему шестьдесят, а не за восемьдесят. Луис почувствовал, как в его сердце пробиваются первые ростки симпатии.

5

К девяти вечера грузчики уехали. Элли и Гейдж, оба уставшие до предела, спали в своих новых комнатах. Гейдж – в детской кроватке, Элли – прямо на полу, на матрасе, в окружении горы коробок с ее миллиардами цветных мелков, целых, сломанных и затупившихся; с ее плакатами с «Улицей Сезам»; с ее книжками, с ее одеждой и бог знает с чем еще. Черч спал вместе с ней, хрипло урча во сне. Это глухое урчание заменяло зверюге мурлыканье.

До этого Рэйчел с Гейджем на руках беспокойно металась по дому, перепроверяла все места, куда Луис просил грузчиков ставить вещи, и заставляла их переставлять все по-своему. Чек Луис не потерял – он лежал в нагрудном кармане вместе с пятью десятидолларовыми банкнотами для чаевых. Когда парни закончили разгружать фургон, Луис отдал им чек вместе с наличными, кивнул в ответ на их благодарности, подписал квитанцию и остался стоять на крыльце, глядя, как они уезжают. По дороге они наверняка завернут в Бангор и выпьют пива в честь окончания рабочего дня. Кстати, от пива он бы и сам не отказался. Тут он снова подумал о Джаде Крэндалле.

Они с Рэйчел сидели на кухне, и Луис заметил темные круги под глазами жены.

– Шла бы ты спать, – сказал он.

– Предписание врача? – улыбнулась она.

– Ага.

– Ладно, – согласилась она, вставая. – Что-то я умоталась. И Гейдж точно разбудит посреди ночи. Ты идешь?

Он замялся.

– Пока нет, наверное. Этот старик через улицу...

– Через дорогу. Здесь, в деревне, не улицы, а дороги. Или, как говорит Джадсон Крэндалл, да-а-роги.

– Хорошо, через да-а-рогу. Он приглашал меня на пиво. Думаю, что поймаю его на слове. Я устал, но спать пока не могу. Слишком взвинчен.

Рэйчел улыбнулась.

– И все закончится тем, что Норма Крэндалл станет рассказывать, где у нее что болит и на каком она спит матрасе.

Луис рассмеялся, думая о том, как это забавно и даже слегка жутковато, что со временем жены учатся читать мысли своих мужей.

– Он был рядом, когда мы в нем нуждались, – сказал он. – Наверное, надо и для него что-то сделать.

– Ты – мне, я – тебе?

Луис пожал плечами, не зная, как объяснить жене, что Крэндалл ему сразу понравился.

– Как тебе его жена?

– Очень хорошая женщина, – ответила Рэйчел. – Гейдж сидел у нее на коленях. Я удивилась, ведь у него был тяжелый день, а ты сам знаешь, как настороженно он относится к новым людям даже в нормальной обстановке. И у нее была кукла, и она разрешила Эйлин с ней поиграть.

– А что там с ее артритом? Все очень плохо?

– Я бы сказала, что очень.

– Вплоть до инвалидной коляски?

– Нет... но она очень медленно ходит, и ее пальцы... – Рэйчел скрючила свои тонкие пальцы, чтобы показать. Луис кивнул. – Ты только недолго, Лу, ладно? В чужих домах мне всегда страшно.

– Очень скоро он станет не чужим, – ответил Луис и поцеловал жену.

6

Луис вернулся домой пристыженным. Никто не просил его осматривать Норму Крэндалл; когда он перешел через улицу (через да-а-рогу, напомнил он себе с улыбкой), леди уже легла спать. Смутный силуэт Джада вырисовывался сквозь оконные сетки крыльца. Кресло-качалка уютно поскрипывало на старом линолеуме. Луис постучал в дверь с проволочной сеткой, и та приветливо загрохотала в раме. Огонек сигареты Крэндалла мерцал, как мирный большой светлячок в летней ночи. Из радиоприемника, выставленного на минимальную громкость, доносился голос комментатора с матча «Ред сокс», и все это вместе создавало у Луиса странное ощущение, что он вернулся домой.

– Док, – сказал Крэндалл. – Я так и думал, что это вы.

– Надеюсь, вы не шутили насчет пива? – спросил Луис, заходя внутрь.

– Я никогда не обманываю насчет пива, – ответил Крэндалл. – Человек, врущий о пиве, наживает себе врагов. Присаживайтесь, док. Я как раз положил на лед пару лишних жестянок, на всякий случай.

Крыльцо было длинным и узким, меблированным плетеными креслами и диванчиками. Луис сел в кресло и удивился, какое оно удобное. По левую руку стояло жестяное ведро с кубиками льда и несколькими банками пива «Блэк лейбл». Луис взял одну.

– Спасибо, – сказал он, открывая банку. Первые два глотка показались ему восхитительными.

– Не за что, – отозвался Крэндаль. – Надеюсь, вам здесь будет радостно и хорошо, док.

– Аминь, – сказал Луис.

– Поистине! Кстати, если хотите крекеров или еще чего, то могу принести. Вот «крысиная радость» уже созрела.

– Что созрело?

– «Крысиная радость». Сыр чеддер. – Крэндаль, кажется, удивился, что Луис не знает таких элементарных понятий.

– Да нет, спасибо. Мне хватит и одного пива.

– Вот и славно. – Крэндаль удовлетворенно рыгнул.

– Ваша жена уже спит? – спросил Луис, удивляясь тому, что сам завел этот разговор.

– Ага. Иногда она сидит со мной, иногда идет спать пораньше.

– Ее очень мучают боли?

– А вы хоть раз наблюдали артрит без болей? – спросил Крэндаль. Луис покачал головой. – Думаю, боли еще терпимы. Она ведь не любит жаловаться, моя Норма. Хорошая она девчонка. – В его голосе звучали искренняя теплота и любовь. По шоссе номер 15 проехала автоцистерна, такая огромная и длинная, что на мгновение закрыла из виду дом Луиса через дорогу. В последних лучах

заходящего солнца можно было прочесть надпись на боку цистерны: «ОРИНКО».

– Неслабый грузовик, – заметил Луис.

– «Оринко» рядом с Оррингтоном, – сказал Крэндалл. – Завод химических удобрений. Вот они и ездят туда-сюда. И цистерны с горючим, и мусоровозы, и люди, которым с утра на работу в Бангор или Брюэр, а вечером, значит, обратно домой. – Он покачал головой. – Всем хорош Ладлоу, но одно мне не нравится. Эта чертова дорога. Ни житья от нее, ни покоя. Ездят и ездят и днем, и ночью. Иногда будят Норму. Черт, иногда будят даже меня, а я сплю как бревно.

Луис, которому тишина мэнского захолустья казалась почти сверхъестественной после непрерывного шума Чикаго, только молча кивнул.

– Вот скоро арабы закроют лавочку, и можно будет фиалки выращивать на дороге, – сказал Крэндалл.

– Возможно, вы правы. – Луис поднес банку ко рту и с удивлением обнаружил, что она пустая.

Крэндалл рассмеялся:

– Берите еще, док. Гулять так гулять.

Луис замялся, потом сказал:

– Ладно, но только одну. Мне надо вернуться домой пораньше.

– Да, конечно. Переезд – утомительная штука!

– Это да, – согласился Луис, и некоторое время они оба молчали. Молчание было уютным, как будто они знали друг друга уже очень давно. Об этом чувстве Луис читал в книгах, но сам никогда его не испытывал – до этого дня. Он устыдился своих недавних мыслей о бесплатной медицинской консультации.

По дороге прогрохотала фура, ее фары мерцали, как упавшие с неба звезды.

– Поганая все же дорога, – проговорил Крэндалл задумчиво, почти рассеянно, а потом вновь повернулся к Луису. Его морщинистые губы скривились в еле заметной улыбке. Старик сунул в рот сигарету и зажег спичку о ноготь большого пальца. – Помните эту тропинку, которую заметила ваша дочка?

Луис не сразу сообразил, о чем говорит Крэндалл; Элли много чего замечала, пока не свалилась спать. Но потом он вспомнил. Широкая тропа, что поднималась на холм и терялась среди деревьев.

– Да, помню. Вы обещали что-то о ней рассказать.

– Обещал и расскажу, – кивнул Крэндалл. – Эта тропа углубляется в лес мили на полторы. Местные ребятишки с пятнадцатого шоссе и Миддл-драйв за ней следят, потому что пользуются постоянно. Детишки сменяются, кто-то уедет, кто-то приедет... Сейчас все не так, как тогда, когда я был мальчишкой, людям уже не сидится на месте, а в мое время никто особенно не разъезжал. Но, похоже, они рассказывают друг другу, и каждую весну здешние дети выкашивают тропинку. И все лето за ней ухаживают, чтобы не зарастала. Не все взрослые в городе знают про это место – многие знают, конечно, но далеко не все, – а вот дети знают. Могу поспорить.

– И что там такое?

– Кладбище домашних животных, – ответил Крэндалл.

– Кладбище домашних животных, – озадаченно повторил Луис.

– Это не так странно, как кажется. – Крэндалл курил, раскачиваясь в кресле-качалке. – Все дело в дороге. Это плохая дорога. На ней гибнет много животных. По большей части собаки и кошки, но не только они. Один из этих грузовиков «Оринко» сбил ручного енота, которого завели дети Райдеров. Это было... кажется, в семьдесят третьем, а может, и раньше. Еще до того, как в домах запретили держать енотов и даже скунсов с удаленными пахучими железами.

– А почему запретили?

– Из-за бешенства, – сказал Крэндэлл. – Много случаев бешенства в Мэне в последние годы. Вот буквально пару лет назад один огромный сенбернар взбесился и убил четырех человек. Скандал был ужасный. Как оказалось, от бешенства песика не прививали. Если бы его идиоты-хозяева сделали псу все положенные прививки, ничего бы не случилось. А скунсов или енотов можно колоть хоть по два раза в год, и все равно неизвестно, возьмет или нет. Но енот у мальчишек Райдеров и вправду был славным. Как говорят старики, «просто душечкой». Ходил вперевалку, был круглым, как шар, лез ласкаться, облизывал тебе лицо, как собака. Их отец даже возил его к ветеринару, чтобы кастрировать и обрезать когти. Пришлось мужику раскошелиться! Райдер работал на «Ай-би-эм» в Бангоре. Они переехали в Колорадо пять лет назад... или, может быть, шесть. Мальчишки уже совсем взрослые стали, даже не верится, что когда-то были мелкими. Расстроились ли они из-за енота? Думаю, да. Мэтти Райдер так плакал, что мать напугалась и даже хотела вести его к доктору. Теперь-то уже все прошло, но они не забыли. Когда такой славный зверек гибнет под колесами на дороге, дети этого не забывают.

Луис подумал об Элли, спящей сейчас в новом доме с урчащим в ногах Черчем.

– У моей дочки есть кот, – сказал он. – Уинстон Черчилль. Мы сокращенно зовем его Черч.

– Ему есть чем позвякивать при ходьбе?

– Прошу прощения? – Луис не понял вопроса.

– Яйца при нем, или он у вас кастрированный?

– Нет, – ответил Луис. – Он не кастрированный.

На самом деле они едва не поссорились с Рэйчел на этой почве еще в Чикаго. Она хотела кастрировать Черча и записала его к ветеринару. Луис отменил запись. Даже сейчас он и сам толком не понимал почему. Вовсе не из мужской солидарности – он еще не дошел до такого идиотизма, чтобы отождествлять свое мужское достоинство с достоинством кота дочери, – и вовсе не потому, что ему претила мысль о том, что Черча надо кастрировать, чтобы их толстой соседке не приходилось завинчивать крышки на мусорных баках. То есть отчасти поэтому, да. Но в основном – из-за не очень понятного, однако сильного

чувства, что после кастрации Черч лишится чего-то такого, чем дорожил сам Луис. Ему не хотелось, чтобы в зеленых кошачьих глазах погас огонек независимого «а идите все к черту». Наконец он сказал Рэйчел, что они переезжают в деревню, так что проблема снимается сама собой. И вот теперь Джадсон Крэндалл говорит, что сквозь эту конкретную деревню проходит шоссе номер 15, и спрашивает, кастрированный ли у них кот. Добавьте немного иронии, доктор Крид, – очень способствует нормализации кровяного давления.

– Я бы его кастрировал, – сказал Крэндалл, загасив окурок пальцами. – Кастрированные коты не особенно расхаживают по округе. А если он будет вечно носиться туда-сюда через дорогу, то рано или поздно с ним приключится та же беда, что с енотом Райдеров, и спаниелем маленького Тимми Десслера, и попугайчиком миссис Брэдли. Попугая, как вы понимаете, не переехали. Он тихо сдох сам по себе.

– Я подумаю, – пообещал Луис.

– Да уж, подумайте. – Крэндалл поднялся на ноги. – Как там пиво, нормально идет? А я все же схожу закушу ломтиком «крысиной радости».

– Пиво уже все вышло. – Луис тоже поднялся. – И мне тоже пора уходить. Завтра будет тяжелый день.

– Трудовые будни в университете?

Луис кивнул.

– Студентов не будет еще две недели, но мне пока надо освоиться и понять, где там что, верно?

– Это да, если не будете знать, где какие таблетки лежат, неприятностей не оберетесь. – Крэндалл протянул руку, и Луис осторожно пожал ее, памятуя о том, какие хрупкие кости у стариков. – Заходите еще, в любой день. Познакомлю вас с моей Нормой. Думаю, вы ей понравитесь.

– Непременно зайду, – сказал Луис. – Рад был познакомиться с вами, Джад.

– Взаимно. Вы здесь освоитесь, обживетесь. Может быть, и задержитесь на какое-то время.

– Надеюсь, что да.

Луис прошел по мощенной камнями садовой дорожке и остановился на обочине шоссе, пропуская очередной грузовик и пять легковушек, ехавших в сторону Бакспорта. Потом еще раз помахал старику на прощание, пересек улицу (да-а-рогу, снова напомнил он себе) и вошел в свой новый дом.

Там было тихо, все спали. Элли, похоже, вообще не шелохнулась во сне, а Гейдж посапывал в своей кроватке в обычной позе, раскинувшись на спине, с бутылочкой под рукой. Луис смотрел на сына, и его сердце переполняла такая пронзительная любовь, что это казалось жутковатым. Наверное, отчасти это была просто тоска по дому, по всем знакомым местам и лицам в Чикаго, которые остались далеко-далеко, словно в какой-то другой жизни. Сейчас все не так, как было прежде... людям уже не сидится на месте, а раньше никто особенно не разъезжал. В этом есть доля правды.

Он подошел к сыну и, поскольку никто – даже Рэйчел – его не видел, поцеловал кончики пальцев и легонько коснулся щеки Гейджа, просунув руку сквозь прутья кровати.

Гейдж запыхтел и перевернулся на бок.

– Спокойной ночи, малыш, – произнес Луис.

Он тихонько разделся и лег на свой край двуспальной кровати, которая пока что представляла собой два матраса, сдвинутых на полу. Почувствовал, как дневное напряжение постепенно проходит. Рэйчел даже не пошевелилась. Нераспакованные коробки громоздились призрачными тенями.

Перед тем как заснуть, Луис приподнялся на локте и посмотрел в окно. Окно их спальни выходило на шоссе, прямо на дом Крэндаллов. Было слишком темно, чтобы различить очертания фигуры – ночь выдалась безлунной, – но во мраке мерцал огонек сигареты. Так и сидит, подумал Луис. И может сидеть еще долго.

Старики вообще плохо спят. Как будто стоят на страже.

Кого они охраняют? И от чего?

Луис думал об этом, когда заснул. Ему приснилось, что он разъезжает по Диснейуорлду в ослепительно белом микроавтобусе с красным крестом на боку. Гейдж сидел рядом с ним, и во сне ему было лет десять, не меньше. На приборной доске возлежал Черч, глядя на Луиса ярко-зелеными глазами, а на Мэйн-стрит у вокзала 1890-х годов Микки-Маус пожимал руки столпившимся вокруг детишкам, их доверчивые маленькие ладошки тонули в его огромных мультяшных перчатках.

7

Следующие две недели у всех выдались хлопотными. Луис мало-помалу вникал в новую работу (хотя в начале семестра, когда после летних каникул в университет съедутся десять тысяч студентов, одни – уже законченные алкоголики и наркоманы, другие – с дурными болезнями, третьи – с тревожным расстройством из-за оценок или депрессией из-за того, что впервые уехали так далеко от дома, и наверняка найдется десяток анорексичных девиц с тараканами в голове... в общем, когда они все соберутся в кампусе, это будет уже совершенно другая история). А пока Луис разбирался со всеми тонкостями своей новой должности главврача университетской клиники, Рэйчел начала обустраивать дом.

Гейдж был занят знакомством с новым окружением, что неизбежно подразумевало многочисленные синяки и шишки, и в первое время его ночной сон выбился из режима, но к середине их второй недели в Ладлоу все пришло в норму. И только Элли, которой уже совсем скоро предстояло пойти в новый садик, оставалась перевозбужденной и взвинченной до предела. Безудержные приступы смеха сменялись периодами почти климактерических депрессий или вспышками гнева, причем на пустом месте. Рэйчел говорила, что это пройдет, когда Элли увидит, что садик совсем не так страшен, как она нафантазировала, и Луис с ней соглашался. Большую часть времени Элли была такой же, как раньше: прелесть, а не ребенок.

Вечерние посиделки с пивом в компании Джада Крэндалла уже стали доброй традицией. Когда у Гейджа наладился ночной сон, Луис начал приходить на

каждый второй или третий вечер – со своей собственной упаковкой. Он познакомился с Нормой Крэндалл, очень приятной пожилой женщиной с ревматоидным артритом – с тем самым старым недобрым ревматоидным артритом, что убивает столь многих стариков, которые в остальном совершенно здоровы и могли бы прожить еще долго. Однако Норма держалась отлично. Она не сдавалась боли, не выбрасывала белый флаг. Пусть болезнь одолеет ее, если сможет. Луис подумал, что она проживет еще пять или даже семь лет полноценной, хотя и не особенно легкой жизни.

Вопреки своим собственным правилам и убеждениям он сам предложил ее осмотреть, расспросил, что назначил лечащий врач, и полностью согласился с его рекомендациями. Его слегка раздосадовало, что он ничем не может помочь, однако доктор Уэйбридж держал болезнь под контролем, насколько это вообще было возможно в случае с Нормой Крэндалл; внезапное резкое ухудшение не исключалось, но его все равно никогда не предвидишь заранее. Надо уметь принимать жизнь такой, какая она есть, иначе точно окажешься в маленькой комнатке с мягкими стенами и будешь писать письма домой восковыми мелками.

Рэйчел тоже понравилась Норма, и они скрепили свою дружбу обменом рецептами, как детишки меняются бейсбольными вкладышами, начав с шарлотки от Нормы Крэндалл за бефстроганов от Рэйчел. Норма отлично ладила и с детьми Кридов, особенно с Элли, которая, как она говорила, вырастет настоящей красавицей – просто очаровашкой. «Хорошо еще, Норма не называет ее «просто душечкой», как того енота», – сказал Луис Рэйчел в тот вечер в постели. Рэйчел так хохотала, что испортила воздух, после чего они смеялись уже на пару. Их громкий смех разбудил Гейджа за стеной.

И вот настал первый день Элли в садике. Луис, уже освоившийся и в лазарете, и в поликлинике, взял выходной. (Тем более что на данный момент лазарет пустовал; последняя пациентка, слушательница летних курсов, сломавшая ногу на лестнице, выписалась неделю назад.) Он стоял на лужайке рядом с Рэйчел, держал на руках Гейджа и смотрел, как большой желтый автобус сворачивает с Миддл-драйв и подъезжает к их дому. Автобус остановился, передняя дверь открылась; наружу вырвался гул множества детских голосов.

Элли оглянулась через плечо, бросив на родителей странный, незащитный взгляд, словно хотела спросить: может быть, еще не поздно отменить неизбежное? – но по их лицам поняла, что время упущено, и все, что последует за сегодняшним, первым днем, уже неотвратимо, как развитие артрита Нормы

Крэндалл. Отвернувшись и поднялась по ступенькам автобуса. Двери сомкнулись у нее за спиной, как зубы дракона. Автобус отъехал. Рэйчел расплакалась.

– Ради Бога, не плачь, – сказал Луис. Он сам чуть не плакал. – Это всего на полдня.

– Полдня – это много, – буркнула Рэйчел и расплакалась еще сильнее. Луис обнял ее, а Гейдж с довольным видом обхватил обоих родителей за шею. Обычно, когда Рэйчел плакала, Гейдж тоже куксил. Но не в этот раз. Он заполучил нас обоих в свое полное распоряжение, подумал Луис. И он, черт возьми, это знает.

Они с беспокойством ждали возвращения Элли, пили слишком много кофе и рассуждали о том, как проходит ее первый день в новом детском саду. Луис ушел в дальнюю комнату, где собирался устроить свой кабинет, и сидел там без дела, перекладывая бумаги с места на место. Рэйчел слишком рано начала готовить обед.

Когда в четверть одиннадцатого зазвонил телефон, Рэйчел схватила трубку после первого же звонка. Луис встал в дверях между кухней и кабинетом, уверенный, что это звонит воспитатель Элли, чтобы сообщить, что девочка им не подходит; желудок дошкольного образования не смог ее переварить и извергает обратно. Но это была Норма Крэндалл. Она сказала, что Джад собрал последнюю кукурузу и что они могут ею поделиться. Луис отправился к Крэндаллам с хозяйственной сумкой и попенял Джаду, что тот не обратился за помощью.

– Да она все равно большей частью дерьмовая, – отмахнулся Джад.

– Пожалуйста, не выражайся при мне, – сказала Норма. Она вышла на крыльцо с холодным чаем на старинном подносе с рекламой «Кока-Колы».

– Прости, любимая. Мне так стыдно.

– Ни капельки ему не стыдно, – сообщила Норма Луису и присела, поморщившись от боли.

– Видел, как Элли садится в автобус, – сказал Джад, закуривая «Честерфилд».

– С ней все будет в порядке, – добавила Норма. – Почти всегда так и бывает.

Почти, мрачно подумал Луис.

Но с Элли и вправду все было в порядке. Она вернулась домой ровно в полдень, сияющая, с улыбкой до ушей, ее нарядное синее платье «на первый день в садике» развевалось над исцарапанными коленками (на одной из которых красовалась свежая ссадина), в руке она сжимала рисунок с двумя то ли детьми, то ли подъемными кранами на ножках, одна ее туфля расстегнулась, одна лента для волос бесследно исчезла. Элли выскочила из автобуса с криком:

– Мы пели «У старика Макдональда была ферма»! Мама! Папа! Мы пели «У старика Макдональда была ферма»! Как в старом садике!

Рэйчел посмотрела на Луиса, который сидел у окна, держа на коленях Гейджа. Малыш почти уснул. Во взгляде Рэйчел было что-то печальное, и хотя она тут же отвернулась, Луис испытал острый приступ паники. А ведь мы и вправду когда-нибудь постареем, подумал он. Такова жизнь. Для нас не сделают исключения. Дети взрослеют... а мы стареем.

Элли подбежала к нему, пытаясь продемонстрировать картинку и свежую ссадину на коленке, а также рассказать про «У старика Макдональда была ферма» и про миссис Берримен, и все это одновременно. Черч терся о ее ноги, и она не упала только чудом.

– Тише, – сказал Луис, целуя дочь. Гейдж заснул, не обращая внимания на суматоху и шум. – Сейчас я его уложу, и ты мне все расскажешь.

Он понес Гейджа наверх – по лестнице, освещенной косыми лучами теплого сентябрьского солнца, – но на верхней площадке его вдруг пронзило дурное предчувствие. Луиса как будто накрыло волной темного ужаса. Он резко остановился и в изумлении огляделся, не понимая, что это вдруг на него нашло. Еще крепче прижал к себе сына, сдавил его так, что тот недовольно зашевелился. По рукам и спине Луиса пробежали мурашки.

Что такое? – подумал он в страхе и растерянности. Сердце бешено колотилось; волосы на голове едва не шевелились; он почувствовал, как к глазам приливает адреналин. Будучи врачом, Луис знал, что когда человек испытывает сильный страх, его глаза действительно вылезают из орбит; не просто широко открываются, а выпучиваются из-за резкого скачка кровяного и внутричерепного давления. Что за черт? Привидения? Господи, мне и вправду почудилось, будто что-то прошло совсем рядом и едва меня не задело. Я его почти видел.

Внизу скрипнула входная дверь.

Луис Крид подскочил и с трудом сдержал крик, а потом рассмеялся. Это выверты психики: внезапный страх, беспричинный озноб. Кратковременное помутнение сознания. Такое бывает – и тут же проходит. Что там говорил Скрудж призраку Джейкоба Марли? Почему я знаю, может быть, вы – это вовсе не вы, а непрожаренная картофелина. Может быть, вы явились не из царства духов, а из духовки. Чарльз Диккенс, возможно, и не догадывался, насколько это верно – и с психологической, и с физиологической точки зрения. Призраков не существует, во всяком случае, Луису они не встречались. За свою врачебную практику он засвидетельствовал смерть двух дюжин человек, однако ни разу не видел, как душа покидает тело.

Он отнес Гейджа в детскую и уложил в кроватку. Но когда укрывал сына одеяльцем, у него по спине вновь пробежал холодок, а перед мысленным взором внезапно возник «выставочный зал» дяди Карла. В том зале не было ни новых автомобилей, ни телевизоров самых последних моделей, ни посудомоечных машин со стеклянной передней панелью, чтобы наблюдать за волшебным процессом пенообразования. Там были только гробы с поднятыми крышками, подсвеченные тщательно скрытыми лампами. Брат его отца был владельцем похоронного бюро.

Господи Боже, зачем эти страсти? Гони их прочь!

Луис поцеловал сына и спустился вниз послушать рассказ Элли о ее первом дне в новом садике.

В ту субботу, когда у Элли закончилась первая неделя в подготовительной группе, как раз в последние выходные перед тем, как студенты вернутся в кампус, Джад Крэндальл перешел дорогу и направился напрямик к семейству Кридов, сидевших на лужайке возле дома. Элли только что слезла с велосипеда и теперь пила холодный чай. Гейдж ползал в траве, изучая жуков и, возможно, пробуя их на зуб; он был не особо разборчив в источниках питательного белка.

– Джад, – сказал Луис, поднимаясь на ноги. – Пойду принесу вам стул.

– Не надо. – Джад был в джинсах, рубашке с расстегнутым воротом и резиновых сапогах. Он посмотрел на Элли. – Ты еще хочешь узнать, куда ведет та тропинка, а, Элли?

– Да! – Элли тут же вскочила. Ее глаза загорелись. – Джордж Бак из садика мне говорил, что там есть кладбище домашних животных, и я рассказала маме, но она сказала, что надо дожидаться тебя, потому что ты знаешь, как туда идти.

– Я знаю, да, – кивнул Джад. – Можно прямо сейчас и сходить, если твои мама с папой не против. Только надень резиновые сапоги. Земля там местами болотистая.

Элли умчалась в дом.

Джад с добродушной улыбкой посмотрел ей вслед.

– Луис, может, вы тоже хотите пойти?

– Почему ж не сходить? – Луис взглянул на Рэйчел. – Ты пойдешь, дорогая?

– А как же Гейдж? Насколько я понимаю, там идти больше мили.

– Я посажу его в рюкзак.

Рэйчел рассмеялась.

– Ну ладно... тащить-то тебе.

Они вышли через десять минут. Все, кроме Гейджа, надели резиновые сапоги. Гейдж сидел в рюкзаке за спиной у Луиса и смотрел по сторонам, смешно тараща глазенки. Элли постоянно убегала вперед, гоняясь за бабочками и срывая цветы.

Трава на дальнем конце поля доходила почти до пояса. Там же рос золотарник – этот дерзкий насмешник, расцветающий в конце лета, чтобы подразнить приходящую осень. Впрочем, в тот день осенью даже не пахло; солнышко припекало, как в августе, хотя август закончился почти две недели назад. Когда они добрались до вершины первого холма, шагая друг за другом по выкошенной тропинке, у Луиса под мышками образовались огромные пятна от пота.

Джад остановился. Сначала Луис подумал, что старик запыхался и хочет передохнуть, но потом огляделся по сторонам и понял, в чем дело. Вид с холма открывался просто потрясающий.

– А здесь вполне симпатично, – сообщил Джад, зажимая зубами травинку. Луис подумал, что это типичное для янки преуменьшение.

– Здесь волшебно! – выдохнула Рэйчел и повернулась к Луису: – И ты ничего мне не сказал!

– Да я сам не знал, – отозвался Луис, слегка пристыженный. Это был их участок, но до сегодняшнего дня он так и не выбрал время подняться на холм за домом.

Элли убежала далеко вперед, но теперь вернулась и тоже с восторгом смотрела по сторонам. У нее под ногами вертелся Черч.

Холм был невысоким, но здесь это было не так важно. Густой лес закрывал обзор на востоке, но на западе до самого горизонта простиралась речная долина, погруженная в золотистую дрему позднего лета. Повсюду покой, тишина, мягкая дымка. Даже шоссе в этот час было пустынным и тихим: ни одного громыхающего грузовика, ни одной цистерны «Оринко».

Разумеется, они смотрели на долину реки Пенобскот, по которой лесорубы когда-то сплавляли лес в Бангор и Дерри. Но они находились южнее Бангора и

чуть севернее Дерри. Река в этом месте была широкой и несла свои воды неторопливо и тихо, словно сама погруженная в глубокий сон. Луис различал вдалеке Хэмпден и Уинтерпорт, и ему представлялось, что отсюда видна даже темная лента шоссе номер 15, протянувшаяся вдоль реки до самого Бакспорта. Они смотрели на реку, лес, поля, дороги. Шпиль баптистской церкви Норт-Ладлоу возвышался над пологом старых вязов, а справа виднелось кирпичное здание школы, где располагался и садик Элли.

Белые облака медленно плыли по небу цвета вылинявшей джинсовой ткани. И повсюду простирались поля, уже истощенные, спящие, но не умершие, невероятного рыжевато-коричневого оттенка.

– Волшебнo – очень верное слово, – наконец произнес Луис.

– Раньше его называли Смотровым холмом, – сказал Джад. Он сунул в рот сигарету, но так и не закурил. – И до сих пор называют – те, кто еще не забыл. Но сейчас в город приехало столько новых людей, и они-то, конечно, не знают. Сюда мало кто ходит. Наверное, думают: что тут увидишь с такого маленького холма? Но отсюда... – Он взмахнул рукой и замолчал.

– Отсюда видно все, – тихо проговорила Рэйчел с трепетом в голосе. Она повернулась к Луису: – Дорогой, это наше?

Прежде чем Луис успел ответить, Джад сказал:

– Холм на вашем участке, что правда, то правда.

Но это не совсем одно и то же, подумал Луис.

В лесу было заметно прохладнее, градусов на восемь-десять. Тропинку, все еще широкую, покрывал ковер высохшей хвои. Кое-где стояли цветы (преимущественно увядшие) в горшках или банках из-под кофе. Они прошли с четверть мили – под гору идти стало легче, – и тут Джад окликнул Элли, вновь убежавшую далеко вперед, и сказал:

– Это хорошее место для маленькой девочки, но обещай маме с папой, что если будешь гулять здесь одна, то никогда не сойдешь с тропинки.

– Да, обещаю, – тут же отозвалась Элли. – А почему?

Джад посмотрел на Луиса, который остановился передохнуть. Тащить на себе рюкзак с Гейджем, даже в тени старых сосен и елей, было тяжело.

– Вы знаете, где мы? – спросил старик.

Луис на секунду задумался и решил, что ни один из ответов – в Ладлоу, в Норт-Ладлоу, за нашим домом, между шоссе номер 15 и Миддл-драйв – тут не подойдет. Он покачал головой.

Джад ткнул большим пальцем себе за спину.

– В той стороне город. А в той – сплошной лес миль этак на пятьдесят, если не больше. Здесь его называют лесом Норт-Ладлоу, но он проходит и по небольшой части Оррингтона, тянется дальше до самого Рокфорда и примыкает к тем федеральным землям, о которых я вам говорил. Это их индейцы хотят себе вернуть. Ваш дом у шоссе, уютный дом с электричеством, телефоном, кабельным телевидением и всем прочим, стоит на самом краю цивилизации. Я понимаю, что это звучит забавно, но так оно и есть. – Он опять обратился к Элли: – Вот я тебе, Элли, и говорю, чтобы ты не бродила по этим лесам. А то собьешься с тропинки, и только Бог знает, куда тебя занесет.

– Я не буду бродить по лесам, мистер Крэндэлл, – пообещала Элли.

Луис видел, что слова старика произвели на нее впечатление, но ни капельки не напугали. А вот Рэйчел смотрела на Джада с явным беспокойством, да и ему самому стало как-то не по себе. Луис подумал, что это почти врожденный страх горожанина, оказавшегося в чаще леса. Он не держал в руках компас с бойскаутских времен, то есть уже двадцать лет, и совершенно не помнил, как определять стороны света по Полярной звезде или по мху на стволах деревьев (все это давно забылось, вместе с умением вязать колышки, полуштыки и прочие морские узлы).

Джад посмотрел на них и улыбнулся.

– Да нет, в этих лесах никто не терялся с тридцать четвертого года, – сказал он. – По крайней мере никто из местных. Последним был Уилл Джеппсон... невелика потеря. После Стэнни Бушара Уилл был самым горьким пропойцей по эту сторону от Бакспорта.

– Вы сказали, никто из местных, – заметила Рэйчел с явной тревогой в голосе, и Луис как будто прочел ее мысли: Но мы-то не местные. Пока еще нет.

Джад секунду помедлил и кивнул.

– Раз в два-три года тут теряется кто-нибудь из туристов, которые думают, что нельзя заблудиться так близко от шоссе. Но их потом находят, еще никто не терялся совсем. Не беспокойтесь, миссис.

– А здесь есть лоси? – с опаской спросила Рэйчел, и Луис улыбнулся. Рэйчел всегда найдет повод для беспокойства.

– Иной раз встречаются, да, – ответил Джад. – Но они ничего вам не сделают, Рэйчел. Во время гона они становятся беспокойными, а так даже близко к вам не подойдут. Хотя почему-то не любят приезжих из Массачусетса. Не знаю уж почему, но не любят. – Луис подумал, что старик шутит, но тот говорил совершенно серьезно, без тени улыбки. – Я сам сколько раз наблюдал. Какой-нибудь парень из Согуса, Милтона или Уэстона сидит на дереве и орет благим матом, а внизу топчется стадо лосей, здоровенных, как жилой прицеп. Лоси как будто чувствуют массачусетсцев. Или их раздражает запах новой одежды из «Л.Л. Бина», не знаю. Вот бы кто-то из ваших студентов-зоологов из колледжа изучил этот вопрос, написал бы статью. Но, похоже, никто так и не соберется.

– А что такое время гона? – спросила Элли.

– Да так, ерунда, – сказала Рэйчел. – Я не хочу, чтобы ты ходила сюда одна, Элли. Только со взрослыми, поняла?

Она шагнула ближе к Луису.

Джад огорчился.

– Я не хотел напугать вас, Рэйчел. Ни вас, ни вашу дочурку. В этом лесу вам нечего бояться. И это хорошая тропа. Весной ее, правда, развозит, да и вообще тут сыровато, кроме как разве что в пятьдесят пятом, когда выдалось самое жаркое на моей памяти лето... но, черт... здесь даже нет ядовитого плюща, сумаха, как на дворе за школой. Вот к нему, Элли, лучше не подходить, если не хочешь потом отмокать три недели в ванне с крахмалом. – Элли хихикнула, прикрыв рот ладошкой. – На тропе безопасно, – убедительно повторил Джад, обращаясь к Рэйчел, которая, похоже, продолжала сомневаться. – Да по ней прошел бы даже Гейдж, и, как я уже говорил, здешние ребятишки ходят сюда постоянно. Они поддерживают здесь порядок. Их никто не просит, они сами. Мне не хотелось бы, чтобы у Элли испортилось впечатление. – Он наклонился к ней и подмигнул. – В жизни так часто бывает, Элли. Идешь по тропинке – и все хорошо. Сойдешь с тропинки – и собьешься с пути, если не повезет. Заплутаешь в лесу, и кому-то придется тебя искать.

* * *

Они пошли дальше. У Луиса, который нес Гейджа в рюкзаке, уже разболелась спина. Время от времени Гейдж радостно хватал отца за волосы и тянул со всей силы или бодро пинал его прямо по почкам. Перед лицом и у шеи с раздражающим писком кружили поздние комары.

Тропинка спускалась по склону, петляя между стволами древних елей, а дальше ныряла в колючий густой подлесок. Здесь было по-настоящему сыро, под сапогами Луиса хлюпали жидкая грязь и вода. В одном месте пришлось переходить маленькое болотце – по кочкам, поросшим жесткой травой. Это была самая сложная часть пути. Затем тропинка опять пошла в гору, кустарник снова сменился деревьями. Ощущение было такое, будто Гейдж, словно по волшебству, прибавил фунтов этак десять, и то же самое волшебство нагрело воздух на десять градусов. По лицу Луиса струился пот.

– Ты там как, дорогой? – спросила Рэйчел. – Давай, я немного его понесу?

– Да нет, я в порядке, – ответил Луис, и это была правда, хотя сердце билось в груди явно чаще, чем следовало. Он сам не особенно рьяно занимался физическими упражнениями, а больше предписывал их пациентам.

Джад шагал впереди рядом с Элли; ее лимонно-желтые брючки и красная кофта выделялись яркими пятнами в тенистом буро-зеленом полумраке.

– Лу, а он точно знает, куда идет? – спросила Рэйчел встревоженным шепотом.

– Точно, – ответил Луис.

Джад обернулся к ним и радостно объявил:

– Еще немного, и мы на месте... Вы не устали, Луис?

Боже правый, подумал Луис, человеку уже хорошо за восемьдесят, а он даже не запыхался.

– Нет, – отозвался он слегка резковато. Гордость не позволила бы ему ответить иначе, даже если бы дело шло к инфаркту. Он улыбнулся, поправил лямки рюкзака и пошел дальше.

Они поднялись на вершину второго холма, откуда тропинка спускалась сквозь заросли высоких, в человеческий рост, кустов и густого подлеска. Тропа потихоньку сужалась, а потом Луис увидел, как шагавшие впереди Элли и Джад прошли под аркой из старых, потемневших от времени и непогоды досок. Приглядевшись, он разобрал едва заметную, выцветшую надпись: «КЛАТБИЦЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ».

Луис и Рэйчел озадаченно переглянулись и прошли под аркой, инстинктивно взявшись за руки, словно жених и невеста на свадьбе.

Уже второй раз за это утро Луис был поражен до глубины души.

Здесь не было ковра из хвои. Поляна представляла собой почти идеальный круг скошенной травы диаметром около сорока футов. С трех сторон ее ограничивал густой подлесок, а с четвертой – огромная куча валежника, нагромождение упавших деревьев, зловещее и опасное с виду. Если кто-то захочет через него перелезть, ему надо будет сначала разжиться стальным суспензорием, подумал Луис. Поляна была сплошь заставлена импровизированными надгробиями, явно сделанными детьми из материалов, которые им удалось выпросить или стащить:

старых ящиков, дощечек, кусков жести. И все-таки, если смотреть с самого края поляны, где низкий кустарник и корявые деревца боролись за жизненное пространство и солнечный свет, и если принять во внимание, что все это было сделано человеческими руками – сделано неумело, но с явным старанием, – начинало казаться, что в расположении надгробий присутствует некая система. Окружающий лес придавал месту какую-то чарующую глубину, только не христианскую, а языческую.

– Мило, – сказала Рэйчел, но как-то неубедительно.

– Ух ты! – воскликнула Элли.

Луис снял с плеч рюкзак, вытащил Гейджа и пустил его ползать по скошенной траве. Луис почувствовал долгожданное облегчение в спине.

Элли носилась от одного памятника к другому, и для каждого у нее находилось восторженное восклицание. Луис пошел следом за ней, а Рэйчел осталась присматривать за малышом. Джад уселся на землю, привалился спиной к выступавшему из земли валуну и закурил.

Луис заметил, что в расположении надгробий и вправду присутствовала система. Они располагались не как попало, а грубыми концентрическими кругами.

«КОТИК СМАКИ, – было написано на надгробии из деревянного ящика. Почерком детским, но аккуратным. – ОН БЫЛ ПОСЛУШНЫМ». И ниже: «1971-1974». Чуть подальше, тоже во внешнем круге, Луис обнаружил кусок шифера с выцветшей, но вполне четкой надписью красной краской: «БИФФЕР». Под ней был стишок: «БИФФЕР, БИФФЕР, ХОРОШИЙ ПЕС / СТОЛЬКО РАДОСТИ ТЫ НАМ ПРИНЕС».

– Биффер – кокер-спаниель Десслеров, – пояснил Джад. Он продавил в земле ямку и аккуратно стряхивал туда пепел. – Попал под мусоровоз в прошлом году. Хороший стих сочинили, да?

– Да, – согласился Луис.

На некоторых могилах лежали цветы, иногда свежие, но в основном старые, давно увядшие. Больше половины надписей, сделанных краской или карандашом, выцвели настолько, что Луис не смог их прочесть. Встречались и вовсе безымянные надгробия, и Луис подумал, что, наверное, надписи были, но их сделали мелком.

– Мама! – крикнула Элли. – Тут золотая рыбка! Иди посмотри!

– Не хочу, – отозвалась Рэйчел, и Луис взглянул на нее. Она стояла на самом краю поляны, за пределами внешнего круга надгробий, и вид у нее был потерянный и несчастный. Луис подумал: Ей не по себе даже здесь. Рэйчел всегда очень болезненно воспринимала все, что было связано со смертью (хотя вряд ли кто-либо относится к смерти легко). Возможно, из-за сестры. Ее сестра умерла очень юной, и пережитое потрясение оставило в душе Рэйчел глубокую рану – рану, которую лучше не бередить, о чем Луис узнал еще в самом начале их совместной жизни. Сестру звали Зельда, и она умерла от цереброспинального менингита. Вероятно, болезнь была долгой, мучительной и тяжелой, а Рэйчел в то время находилась в самом впечатлительном возрасте. Вряд ли можно винить ее в том, что ей хочется это забыть.

Луис подмигнул жене, и та с благодарностью улыбнулась в ответ.

Луис огляделся по сторонам. Это была естественная поляна, чем, видимо, и объяснялся буйный рост травы; солнце беспрепятственно освещало землю. Но все равно за поляной ухаживали и заботливо ее поливали. А значит, дети таскали сюда банки с водой или даже канистры, которые будут потяжелее Гейджа в рюкзаке. Странно, что здешним детишкам это не надоедает, подумал Луис. Если судить по его собственным детским воспоминаниям, подкрепленным общением с Элли, энтузиазм у детей вспыхивает мгновенно, горит жарким пламенем и быстро гаснет.

Ближе к центру располагались более старые могилы; здесь многие надписи не читались вообще, а те, что можно было прочесть, уводили все дальше и дальше в прошлое. Там покоился ТРИКСИ, который ПАГИБ НА ШОССЕ 15 СЕНТ. 1968. В том же ряду Луис заметил широкую доску, вкопанную глубоко в землю. За годы она покособилась и накренилась, но Луис сумел разобрать слова: «ПАМЯТИ МАРТЫ, НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ КРАЛЬЧИХИ, УМИРШЕЙ 1 МАРТА 1965». В следующем круге обрели вечный покой ГЕНЕРАЛ ПАТТОН («НАШ! СЛАВНЫЙ! ПЕС!» – кричала надпись), умерший в 1958-м, и ПОЛИНЕЗИЯ (видимо, попугайчик, если Луис еще

что-то помнил из «Доктора Дулиттла»), выдавая свое последнее «Полли хочет крекер» летом 1953-го. В следующих двух рядах надписей не осталось вообще, а потом – все еще далеко от центра – Луис увидел кусок песчаника с неумело выбитыми на нем словами: «ХАННА, САМАЯ ЛУЧШАЯ СОБАКА НА СВЕТЕ 1929-1939». Конечно, песчаник – относительно мягкий камень, что было видно даже по самой эпитафии, напоминавшей скорее след от надписи, нежели собственно надпись, но Луис все равно поразился, представив, сколько часов понадобилось ребенку, чтобы вырезать в камне эти шесть слов и две даты. В них было вложено столько любви и скорби, что это казалось почти запредельным; люди не делают такого даже для собственных родителей, даже для собственных детей, если те умирают раньше.

– Так, значит, оно тут давно, – сказал Луис Джаду, который уже докурил и теперь подошел к нему.

Старик кивнул.

– Пойдемте, Луис. Я вам кое-что покажу.

Они подошли к третьему от центра ряду. Круговое расположение могил, которое на внешних рядах казалось скорее случайным совпадением, здесь уже было явным. Джад остановился перед небольшим куском шифера, упавшим на землю. Осторожно опустился на колени и поставил шифер на место.

– Здесь раньше были слова, – сказал он. – Я их сам вырезал, но они давно стерлись. Здесь я похоронил своего первого пса, моего Спота. Он умер от старости в тысяча девятьсот четырнадцатом, в тот же год, когда началась Первая мировая.

Сраженный мыслью о том, что это кладбище намного старше многих кладбищ для людей, Луис прошел в центр и осмотрел некоторые могилы. Надписи на них не читались, большинство надгробий почти целиком ушло в землю. Одна из могил совсем заросла травой, и когда Луис ставил на место поваленную плиту, земля отозвалась протестующим звуком рвущихся стебельков. На открывшемся пятачке копошились слепые жуки. Луис почувствовал, как по спине пробежал холодок, и подумал: Погост для животных. Все-таки мне здесь не особенно нравится.

– И давно здесь это кладбище?

– Я не знаю, – ответил Джад, засунув руки в карманы. – Оно уже было, когда умер Спот. Ну, это понятно. Тогда у меня была куча друзей. Они помогали мне вырыть могилу для Спота. Копать тут непросто, скажу вам... земля каменистая, твердая. Я тоже им помогал. – Он указал заскорузлым мозолистым пальцем на одну из могил. – Вон там лежит пес Пита Лавассе, если я правильно помню, а там – все три кошки Альбиона Гротли, рядом друг за другом. Старик Фритчи держал почтовых голубей. Мы с Элом Гротли и Карлом Ханной похоронили тут голубя, которого загрызла собака. Вон там он лежит. – Джад на секунду умолк. – Я последний из той компании. Все уже умерли. Никого нет.

Луис ничего не сказал, просто стоял и смотрел на могилы животных, засунув руки в карманы.

– Земля каменистая, твердая, – повторил Джад. – Только вот на погост и годится.

Гейдж пискляво захныкал, и Рэйчел взяла его на руки.

– Он голодный, – сказала она. – По-моему, пора возвращаться, Лу.

Пойдем уже, да? – спрашивал ее взгляд.

– Да, конечно. – Луис надел рюкзак и повернулся спиной к Рэйчел, чтобы ей было удобнее засунуть внутрь Гейджа. Элли! – Элли, ты где?

– Вон она. – Рэйчел указала на кучу валежника. Элли карабкалась на него, как на лесенку в школьном дворе.

– Эй, малышка, слезай оттуда! – встревоженно крикнул Джад. – Попадет нога не в ту дырку, эти стволы-ветки сдвинутся, и сломаешь себе лодыжку.

Элли спрыгнула вниз.

– Ой! – Она подошла к ним, потирая бедро. На коже царапины не было, но сухая колючая ветка разорвала Элли брючки.

– Вот я о том и толкую. – Джад потрепал ее по голове. – На такой старый валежник лучше не лезть. Даже тот, кто хорошо знает лес, никогда на него не полезет, если можно его обойти. Понимаешь, упавшие деревья, когда они валяются в кучу, становятся злыми. И даже могут тебя укусить.

– Правда? – спросила Элли.

– Чистая правда. Смотри, они навалены, как солома. Наступишь куда-нибудь не туда, и они все обрушатся лавиной.

Элли посмотрела на Луиса:

– Это правда, папа?

– Думаю, да.

– Фу! – Она обернулась к валежнику и крикнула во весь голос: – Вы порвали мне брючки, гадкие деревья!

Трое взрослых рассмеялись. Валежник молчал. Он просто был. Лежал, выгорая на солнце, там же, где и всегда – все последние десятки лет. Луис подумал, что валежник похож на скелет какого-то древнего чудища, возможно, убитого честным и благородным рыцарем. Кости дракона, сложенные в гигантский курган.

Уже тогда Луис решил, что в этом валежнике есть что-то странное. Как-то уж очень кстати он расположился между кладбищем домашних животных и чащей леса – того самого леса, который Джад Крэндалл потом несколько раз назовет по рассеянности «индейским». Беспорядочное нагромождение стволов и ветвей было каким-то чересчур искусным, чересчур хитроумным для случайной игры природы. Оно было...

Но тут Гейдж схватил его за ухо и дернул, радостно гукая, и Луис забыл и о валежнике, и о лесах по ту сторону кладбища домашних животных. Пришла пора возвращаться домой.

На следующий день Элли пришла к нему грустная и встревоженная. Луис сидел у себя в кабинете и клеил модель. «Роллс-ройс “Серебряный призрак”» 1917 года выпуска: 680 деталей, более 50 подвижных частей. Модель была почти готова, и Луису прямо-таки виделся одетый в ливрею шофер, прямой потомок английских кучеров восемнадцатого-девятнадцатого столетий, гордо сидящий за рулем.

Он увлекался моделями с десяти лет. Все началось с истребителя времен Первой мировой войны, который ему подарил дядя Карл. Луис собрал почти все самолеты от «Ревелла», а годам к двадцати перешел к более крупным и сложным моделям. У него был период кораблей в бутылке, и период военной техники, и даже период огнестрельного оружия, причем эти «кольты», «винчестеры» и «люггеры» получались настолько реалистичными, что даже не верилось, что они ненастоящие. Последние пять лет Луис собирал большие круизные лайнеры. Модели «Лузитании» и «Титаника» стояли на полках в его университетском кабинете, а «Андреа Дориа», законченный перед самым отъездом из Чикаго, красовался на каминной полке в гостиной. Сейчас Луис перешел к классическим автомобилям, и если уже заведенный порядок останется в силе, то автомобильный период продлится четыре-пять лет, а потом сменится чем-то другим. Рэйчел относилась к его единственному настоящему хобби со свойственной женщинам снисходительностью и, как казалось Луису, с некоторым презрением; даже после десяти лет брака она, наверное, думала, что когда-нибудь он это перерастет. Возможно, причина отчасти заключалась в ее отце, который с самого начала считал – и не изменил свое мнение до сих пор, – что его дочь вышла замуж за полное ничтожество.

Может быть, подумал он, Рэйчел права. Может быть, лет в тридцать семь я проснусь как-нибудь поутру, отнесу на чердак все модели и займусь дельтапланеризмом.

Элли была очень серьезной и сосредоточенной.

Где-то вдалеке звонили воскресные колокола, созывавшие прихожан в церковь.

– Привет, папа, – сказала Элли.

– Привет, солнышко. Что-то случилось?

– Ничего, – отмахнулась она, но ее вид говорил о другом: что-то все же случилось, причем явно что-то серьезное. Ее только что вымытые волосы падали на плечи. Волосы у Элли уже начинали темнеть, но при таком освещении казались почти такими же светлыми, как раньше. Она была в платье, и Луис вдруг понял, что его дочь почти всегда надевает платье по воскресеньям, хотя в церковь они не ходят. – А что ты клеишь?

Аккуратно прилаживая на место брызговик, Луис принялся объяснять.

– Вот, посмотри. – Он бережно вручил Элли крошечный колпак колеса. – Видишь эти буковки «R»? Пустячок, а приятно, да? Если мы поедем в Чикаго на День благодарения, то полетим на «эл десять-одиннадцать», и там на двигателях будут точно такие же буковки «R».

– Подумаешь, буковки. – Элли отдала ему колпак.

– Не «подумаешь, буковки», а эмблема «Роллс-ройса», – сказал Луис. – Вот когда у тебя будет достаточно денег, чтобы позволить себе «роллс-ройс», тогда можно будет немного поважничать. Я вот решил, что когда заработаю второй миллион, то непременно куплю «роллс-ройс». И если Гейджа будет укачивать, пусть его рвет на натуральную кожу.

И кстати, Элли, что у тебя на уме? Но с Элли такое обычно не проходило. Она только замкнется, если задать вопрос в лоб. Она вообще не любила рассказывать о своих чувствах. И Луису нравилась эта черта характера.

– А мы богатые, папа?

– Нет, – ответил он. – Но голодать мы точно не будем.

– Майкл Бернс в садике говорит, что все врачи богатые.

– Ну, скажи Майклу Бернсу, что многие врачи могут разбогатеть, но на это уходит лет двадцать... а в университетской поликлинике вряд ли разбогатеешь, даже если ты там начальник. Разбогатеть можно, если ты узкий специалист. Гинеколог, ортопед или невролог. Вот они богатеют быстрее. А такие обыкновенные терапевты, как я, – помедленнее.

– Тогда почему ты не стал узким специалистом, папа?

Луис снова подумал о своих моделях, о том, что в какой-то момент ему попросту надоело строить военные самолеты, а затем надоели и танки, и оружейные установки; он подумал о том, как однажды решил (причем решил буквально в одночасье, как казалось теперь, по прошествии времени), что собирать корабли в бутылках – занятие совершенно дурацкое; а потом он подумал о том, каково было бы всю жизнь осматривать детские ноги на предмет искривления пальцев или, надев латексные перчатки, шарить профессиональной, узкоспециализированной рукой в женских влагищах на предмет выявления повреждений и опухолей.

– Мне это было неинтересно, – ответил он.

Черч вошел в кабинет, постоял, изучая обстановку своими ярко-зелеными глазами. Потом бесшумно запрыгнул на подоконник и, кажется, сразу заснул.

Взглянув на кота, Элли нахмурилась, и Луис подумал, что это странно. Обычно она смотрела на Черча с пронзительной, почти болезненной любовью. Она принялась ходить по кабинету, разглядывая модели, и вдруг сказала, как бы между прочим:

– А там было много могил, да? На кладбище домашних животных.

Так вот в чем дело, подумал Луис, но не оторвался от своей модели: сверившись с инструкцией, он принялся прилаживать к кузову фары.

– Да, – ответил он. – Больше сотни, я думаю.

– Папа, почему животные живут так мало? Не так долго, как люди?

– Ну, некоторые живут так же долго, а некоторые еще дольше, – сказал Луис. – Слоны, например, живут очень долго. И некоторые из морских черепах. Им так много лет, что люди даже не знают сколько... или, может быть, знают, но не могут поверить.

Элли сразу же раскусила хитрость.

– Слоны и черепахи, они не домашние. А домашние живут совсем мало. Майкл Бернс говорит, что один год жизни собаки равен девяти человеческим.

– Семи, – машинально поправил Луис. – Я понимаю, о чем ты, солнышко, и в этом есть доля правды. Собака, которой двенадцать лет, уже старая. Видишь ли, в любом организме происходит обмен веществ... Это называется метаболизм, и он как раз отвечает за продолжительность жизни. И еще много за что отвечает. Одни люди могут есть сколько угодно и все равно оставаться худыми, как твоя мама. Такой у них метаболизм. А другие – вот я, например – сразу же начинают толстеть, если много едят. У нас просто разный метаболизм, вот и все. Но все же главная задача метаболизма – отсчитывать время. У собак он очень быстрый, у людей – относительно медленный. Мы живем в среднем семьдесят два года. И поверь мне, это очень долго.

Луис видел, что Элли сильно расстроена, и очень надеялся, что его речь прозвучала искренне и не выдала его собственных переживаний. Ему было тридцать пять лет, и эти годы, казалось, промчались в мгновение ока.

– У морских черепах метаболизм еще медле...

– А у кошек? – спросила Элли, снова взглянув на Черча.

– Кошки живут столько же, сколько собаки, – ответил Луис. – Ну, в большинстве случаев. – Тут он соврал. Жизнь у кошек опасная, а смерть – часто кровавая и жестокая, просто люди обычно этого не видят. Взять даже Черча: вот он дремлет на солнышке (или просто делает вид), их домашний кот Черч, который каждую ночь мирно спит на кровати у Элли; кот, который был таким милым котенком и так уморительно прыгал за мячиком на веревке. Но Луис видел, как Черч подкрадывался к птице с перебитым крылом, и его зеленые глаза горели любопытством и – да, Луис мог бы поклясться – холодным восторгом. Черч редко когда убивал добычу, за одним достопамятным исключением: однажды он притащил домой здоровенную крысу, которую поймал где-то на улице. Эту добычу Черч уделал в мясо. Крыса была вся в крови, и Рэйчел – в то время беременная Гейджем, на шестом месяце – еле успела добежать до ванной, где ее и стошнило. Жестокая жизнь, жестокая смерть. Кошек убивают собаки, не просто гоняют их, как неуклюжие, глуповатые псы из мультфильмов, а рвут зубами в клочки; кошки гибнут в драках друг с другом, гибнут от ядовитых приманок, гибнут под колесами автомобилей. Кошки – гангстеры животного мира, они живут вне закона и так же и умирают. Очень многие не доживают до

старости.

Но об этом, наверное, не стоит рассказывать своей пятилетней дочке, которая впервые задумалась о смерти.

– Вот смотри, – сказал он. – Сейчас Черчу только три года, а тебе пять. Он наверняка будет еще жив, когда тебе исполнится пятнадцать и ты пойдешь в старшие классы. Это еще долго.

– И вовсе не долго, – возразила Элли, и теперь ее голос дрожал. – Совсем не долго.

Луис прекратил делать вид, что занимается своей моделью, и поманил дочь к себе. Элли уселась к нему на колени, и он в который раз поразился тому, какая она красавица, причем огорчение вовсе не портило, а только подчеркивало ее красоту. Элли была смуглой, почти как левантийка. Тони Бертон, один из врачей, с которыми Луис работал в Чикаго, называл ее индийской принцессой.

– Солнышко, – сказал он, – будь моя воля, Черч жил бы сто лет. Но это решаю не я.

– А кто? – спросила она и сама же ответила, с совершенно недетским презрением в голосе: – Наверное, Бог.

Луис подавил желание рассмеяться. Все было слишком серьезно.

– Бог или кто-то еще. Часы идут, а в какой-то момент останавливаются – вот все, что я знаю. И их уже не починишь, солнышко.

– Я не хочу, чтобы Черч стал таким же, как эти мертвые питомцы на кладбище! – выкрикнула она со слезами и яростью в голосе. – Я не хочу, чтобы Черч умирал! Это мой кот! Мой, а не Бога! Пусть Бог заведет своего кота! Пусть заведет себе сколько угодно котов и всех их убивает! А Черч мой!

Из кухни донеслись шаги, и в кабинет заглянула испуганная Рэйчел. Элли рыдала на груди у Луиса. Ужас озвучили, выпустили наружу; он предстал перед ней во всей красе. И теперь, даже если нельзя ничего изменить, можно было

хотя бы поплакать.

– Элли, – успокаивал ее Луис. – Элли, Черч же не умер, вот он спит.

– Но он может умереть, – рыдала она. – Может в любую минуту.

Луис укачивал дочь на руках и думал, что, кажется, знает, из-за чего она плачет: из-за неотвратимости смерти, ее жестокой непредсказуемости, ее глухоты ко всем доводам и слезам маленьких девочек; Элли плакала из-за потрясающей и одновременно ужасающей способности человека переводить символы в выводы, либо прекрасные и благородные, либо убийственно страшные. Если все эти животные умерли и оказались на кладбище, то и Черч тоже мог умереть

(в любую минуту!)

и оказаться на кладбище; а если такое может случиться с Черчем, то может случиться и с мамой, и с папой, и с маленьким братиком. И с ней самой. Смерть была отвлеченным понятием; кладбище домашних животных было реальным. В этих грубых надгробиях заключалась суровая правда, которую мог почувствовать даже ребенок.

Сейчас он мог бы солгать, как солгал чуть раньше, когда говорил о продолжительности жизни кошек. Но ложь запомнится и, возможно, потом попадет в досье, которое каждый ребенок заводит у себя в голове на родителей. Давным-давно мама солгала Луису, сказав, что детей находят в капусте. Это был вполне безобидный обман, но Луис так никогда и не простил мать за то, что она солгала, как не простил и себя самого – за то, что в это поверил.

– Солнышко, – сказал он. – Тут ничего не поделаешь. Это часть жизни.

– Это плохая часть! – выкрикнула она. – Очень плохая!

Он не знал, что на это ответить. Элли плакала. Но в конце концов слезы высохнут. Это был неизбежный и необходимый первый шаг на пути к нелегкому примирению с правдой, от которой тебе все равно никуда не деться.

Он прижимал к себе дочку, слушал звон утренних воскресных колоколов, плывший над сентябрьскими полями, и даже не сразу заметил, что Элли перестала плакать и заснула у него на руках.

Он отнес Элли в кровать и спустился в кухню, где Рэйчел как-то уж слишком рьяно взбивала тесто для кексов. Луис выразил удивление, что Элли отключилась в столь раннее время; это было на нее не похоже.

– Не похоже, – отозвалась Рэйчел, с грохотом ставя миску на стол. – Но, по-моему, она не спала всю ночь. Я слышала, как она возится, около трех. И Черч орал, чтобы его выпустили. А он просится выйти, только когда она нервничает.

– Но с чего бы ей...

– А то ты не знаешь! – сердито воскликнула Рэйчел. – Из-за этого треклятого кладбища домашних животных! Она расстроилась, Лу. Девочка в первый раз в жизни увидела кладбище и просто... расстроилась. Большое спасибо за эту прогулку твоему другу Джаду Крэндаллу, хотя вряд ли я буду писать ему благодарственное письмо.

Вот он уже и мой друг, подумал Луис, одновременно подавленный и смущенный.

– Рэйчел...

– И я не хочу, чтобы Элли туда ходила.

– Рэйчел, Джад сказал правду насчет тропинки.

– Я сейчас не о тропинке, и ты это знаешь. – Рэйчел схватила миску и принялась взбивать тесто с удвоенной яростью. – Я об этом проклятом месте. Это же ненормально. Дети ходят туда, ухаживают за могилами, содержат в порядке тропинку... это какая-то чертова патология. Если здешние дети все поголовно больны, я не хочу, чтобы Элли от них заразилась.

Луис оторопело смотрел на жену. Он всегда считал, что в то время как браки друзей и знакомых распадаются один за другим, их с Рэйчел брак держится

столько лет благодаря тому, что они оба знают секрет: когда возникают какие-то принципиальные противоречия, тут уже нет ни семьи, ни супружеского единения, а есть только два совершенно разных человека, и каждый сам по себе, и каждый упорно противоречит здравому смыслу. Такой вот секрет. Тебе может казаться, что ты хорошо знаешь партнера, но время от времени он все равно будет преподносить тебе сюрпризы. А иногда (слава Богу, нечасто) ты будешь попадать в самую настоящую полосу отчуждения, как авиалайнер – в полосу турбулентности. Партнер будет открываться с неожиданной стороны, о которой ты даже не подозревал, и его поведение покажется настолько странным (во всяком случае, тебе), что ты начнешь всерьез опасаться за его психику. И если ты ценишь ваш брак и свое собственное душевное спокойствие, то будешь действовать осторожно, постоянно напоминая себе о том, что из-за подобных открытий злятся лишь дураки, искренне верящие, будто один человек способен по-настоящему понять другого.

– Дорогая, это всего лишь кладбище домашних животных, – сказал он.

– Если судить по тому, как она сейчас плакала, – Рэйчел указала в сторону кабинета ложкой, испачканной в тесте, – для нее это не просто кладбище домашних животных. Как бы это не стало травмой на всю жизнь. Нет. Она больше туда не пойдет. Я говорю не о тропинке, я говорю об этом месте. Она уже думает, что Черч умрет.

На мгновение у Луиса возникло безумное ощущение, что он все еще говорит с Элли, которая просто встала на ходули, надела мамино платье и очень похожую, очень реалистичную маску Рэйчел. Даже выражение лица было точно таким же, сердитым, но в глубине души она была уязвлена.

Он попытался найти правильные слова, потому что ему вдруг показалось, что это серьезный вопрос, требующий обсуждения, а вовсе не то, о чем можно молчать из уважения к тому секрету... или к тому внутреннему одиночеству. Он попытался найти правильные слова, потому что ему показалось, что она упускает нечто по-настоящему важное, нечто такое, что заполняет собой весь мир, и не увидеть это огромное «нечто» можно, только нарочно зажмурив глаза.

– Рэйчел, когда-нибудь Черч умрет.

Она сердито посмотрела на него.

– Дело не в этом, – сказала она, четко выговаривая каждое слово, будто обращалась к умственно отсталому ребенку. – Черч умрет не сегодня и не завтра...

– Я пытался ей это сказать...

– И не послезавтра, и не через год...

– Дорогая, мы не можем быть твердо уверены...

– Нет, можем! – закричала она. – Мы о нем хорошо заботимся, он не умрет, здесь никто не умрет, и зачем было расстраивать девочку и объяснять ей то, до чего она еще не доросла?

– Рэйчел, послушай...

Но Рэйчел не хотела ничего слушать. Она была в ярости.

– Человеку и так непросто смириться со смертью... питомца, друга или кого-то из родственников... и зачем превращать это в какой-то... в какой-то проклятый аттракцион... в Ф-Ф-Форест-лаун для ж-ж-животных... – У нее по щекам текли слезы.

– Рэйчел. – Луис попытался приобнять ее за плечи, но она сердито стряхнула его руку.

– Оставь! – резко проговорила она. – Ты даже не понимаешь, о чем я сейчас говорю.

Он вздохнул.

– У меня такое ощущение, будто я провалился в бетономешалку, – сказал он, надеясь, что Рэйчел улыбнется. Но она не улыбнулась. Ее глаза полыхали огнем. Луис вдруг понял, что она взбешена. Не просто рассержена, а именно взбешена. – Рэйчел. – Он и сам еще толком не знал, что скажет дальше. – А как ты сегодня спала?

– О Боже. – Рэйчел скривилась и отвернулась, но Луис все же успел заметить обиду в ее глазах. – Это ты хорошо придумал, очень хорошо придумал. Ты никогда не меняешься, Луис. Если что-то идет не так, во всем виновата Рэйчел. У Рэйчел опять шалют нервы, Рэйчел слишком эмоционально на все реагирует.

– Я этого не говорил.

– Да? – Она опять грохнула миску на стол, взяла форму для кексов и принялась смазывать ее маслом, крепко сжав губы.

Луис терпеливо проговорил:

– Нет ничего страшного в том, что ребенок узнает о смерти, Рэйчел. На самом деле это необходимо. Реакция Элли – ее слезы – это вполне естественно. Это...

– Да, это очень естественно, – оборвала его Рэйчел. – Очень естественно слышать, как твоя дочь рыдает, оплакивая смерть кота, который еще и не думал умирать.

– Перестань, – сказал Луис. – Давай поговорим как разумные люди.

– Я не хочу обсуждать эту тему.

– Да, но мы все же ее обсудим. – Луис тоже начал закипать. – Ты уже высказалась, теперь моя очередь.

– Она больше туда не пойдет. И все, тема закрыта.

– Элли с прошлого года знает, откуда берутся дети, – медленно проговорил Луис. – Мы показали ей книжку Майерса и все ей рассказали, помнишь? Мы с тобой согласились, что детям следует знать, откуда они берутся.

– Это здесь ни при чем...

– Очень даже при чем! – рявкнул Луис. – Когда я говорил с Элли о Черче, я думал о моей матери, которая, когда я спросил, откуда берутся дети, скормила мне старую сказочку про капусту. Я не забыл эту ложь. Если родители говорят детям

неправду, дети этого не забывают.

– То, откуда берутся дети, совершенно не связано с этим проклятым кладбищем! – выкрикнула Рэйчел, и ее взгляд говорил: Болтай хоть до ночи, болтай, пока не посинеешь, Луис, ты все равно меня не убедишь.

И все-таки он попытался.

– Она знает, откуда берутся дети, а это место в лесу пробудило в ней желание узнать кое-что и о другой стороне жизни. Это естественно. На самом деле, я думаю, это самая естественная вещь на свете...

– Замолчи! – закричала Рэйчел. Действительно закричала, так, что Луис испуганно отшатнулся и случайно задел локтем открытый пакет с мукой, стоявший на разделочном столике. Пакет упал на пол и лопнул. Мука белым облаком поднялась в воздух.

– Черт, – понуро проговорил Луис.

Наверху заплакал Гейдж.

– Прекрасно, – сказала Рэйчел, тоже расплакавшись. – Ты еще и его разбудил. Спасибо тебе за чудесное тихое воскресное утро.

Она шагнула к двери, но Луис схватил ее за руку.

– Хочу тебя кое о чем спросить, потому что знаю, что с живым существом может случиться все, что угодно. Действительно все, что угодно. Мне как врачу это известно. Ты хочешь ей объяснять, что случилось, если ее кот вдруг заболеет чумкой или лейкемией – у кошек, знаешь ли, сильная предрасположенность к лейкемии, – или если он попадет под машину? Ты правда хочешь ей все объяснять, если это случится, Рэйчел?

– Пусти, – почти прошипела она. Но злость в ее голосе никак не могла сравниться с пронзительной болью и страхом в глазах. Я не хочу говорить об этом, Луис, и ты не можешь меня заставить, говорил ее взгляд. – Пусти, надо бежать к Гейджу, пока он не вывалился из кроватки...

– Потому что когда-нибудь тебе придется ей все объяснить, – продолжал Луис. – Можешь сказать ей, что мы это не обсуждаем, приличные люди не обсуждают подобное, и пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов... хотя нет, про «хоронят» и «мертвецов» лучше не надо, а то вдруг привьешь ей комплекс.

– Я тебя ненавижу! – закричала Рэйчел, вырываясь.

Конечно, Луис уже пожалел о сказанном. И, конечно, было уже поздно.

– Рэйчел...

Она бросилась к двери, глотая слезы.

– Оставь меня. Ты и так постарался на славу.

Однако в дверях она остановилась и обернулась к нему.

– Я не хочу обсуждать эту тему при Элли, Лу. Я не шучу. В смерти нет ничего естественного. Ничего. И ты, как врач, должен это знать.

Она ушла, а Луис остался один в пустой кухне, где все пространство, казалось, дрожало эхом их рассерженных голосов. Какое-то время он просто стоял, а потом взял из кладовки метлу и принялся подметать пол. Последние слова Рэйчел никак не шли у него из головы. Его поразила эта принципиальная разница во мнениях, открывшаяся только теперь, после стольких лет совместной жизни. Потому что, как врач, он знал, что смерть – самая естественная вещь на свете, не считая, может быть, рождения. Налоги, личные и общественные конфликты, успехи и банкротства – все это по большому счету не важно. В конечном итоге есть только часы, отмеряющие время, и надгробные камни, с которых с годами стираются имена, а потом и сами они крошатся в пыль. Даже морские черепахи и гигантские секвойи когда-нибудь умирают.

– Зельда, – произнес он вслух. – Господи, что же ей пришлось пережить?

Вопрос только в том, что делать дальше: спустить проблему на тормозах или все же попробовать как-то ее решить?

Он наклонил совок над мусорным ведром, и мука с тихим шелестом высыпалась на пустые картонные пакеты и банки.

10

– Надеюсь, Элли не очень расстроилась, – сказал Джад Крэндалл. Уже не в первый раз Луис подумал, что старик обладает поистине исключительной – и, честно сказать, малоприятной – способностью легко касаться самых больных мест.

Сегодня вечером к ним вышла Норма, так что они сидели на крыльце Крэндаллов втроем и пили холодный чай вместо пива. На шоссе номер 15 было много машин. Люди возвращались домой после выходных. Луис подумал, что сейчас, в конце лета, каждые погожие выходные могли стать последними. Завтра ему предстоял первый по-настоящему рабочий день в поликлинике при Мэнском университете. Студенты уже прибывали – и вчера, и сегодня, – расселялись по съемным квартирам в Ороно или по комнатам в общежитии в кампусе, застилали постели, возобновляли знакомства и, несомненно, ворчали насчет еды в университетской столовой и первой пары, начинавшейся в восемь утра. Весь день Рэйчел держалась холодно, хотя «холодно» – это еще мягко сказано, и Луис знал, что когда вернется домой от Крэндаллов, она уже ляжет спать, и скорее всего Гейдж будет спать вместе с ней, и они оба будут лежать на самом краешке кровати, рискуя свалиться. Его собственная половина кровати вырастет до двух третей и станет похожа на большую стерильную пустыню.

– Я говорю, что надеюсь...

– Прошу прощения, – сказал Луис. – Что-то я замечтался. Элли немного расстроилась, да. А как вы догадались?

– Так мы сколько детишек повидали. – Джад улыбнулся жене и бережно взял ее за руку. – Да, дорогая?

– Повидали немало, – кивнула Норма Крэндалл. – Мы любим детей.

– Бывает, что кладбище домашних животных – это их первая встреча со смертью, лицом к лицу, – продолжал Джад. – Да, они видят смерть по телевизору, но

знают, что это всего лишь игра, как в старых вестернах, что раньше крутили у нас в кинотеатре субботними вечерами. В вестернах и в телевизоре люди просто хватаются за живот или за грудь и падают наземь. А это кладбище на холме – настоящее. Оно реальнее, чем все телефильмы и кинокартины, вместе взятые.

Луис кивнул и подумал: Расскажи это моей жене.

– На каких-то детишек это и вовсе не действует, во всяком случае, так, чтобы сразу было заметно, хотя, наверное, многие... как бы это сказать... прячут свои впечатления в карман и разглядывают их потом, вместе с остальными сокровищами, которые собирают и тащат домой. В основном они воспринимают все это нормально. Но есть и такие... Норма, помнишь того мальчика, Холлоуэя?

Норма кивнула. Лед тихонько позвякивал в стакане, который она держала в руке. Ее очки висели у нее на груди, цепочка блеснула в свете фар проехавшей машины.

– Ему снились такие кошмары, – сказала она. – Мертвецы, выходящие из могил, и даже не знаю, что еще. А потом у него умерла собака. Кажется, съела отравленную приманку, да, Джад?

– Да, отравленную приманку, – кивнул Джад. – Ну, так говорили в городе. Это было в двадцать пятом. Билли Холлоуэю было тогда лет, наверное, десять. Он потом стал сенатором от штата. Выдвигал свою кандидатуру в палату представителей, но не прошел. Это было как раз перед самым началом войны в Корее.

– Они с друзьями устроили настоящие похороны для собаки, – вспоминала Норма. – Это была самая обыкновенная дворняжка, но он ее очень любил. Помню, его родители были против похорон... из-за тех самых кошмаров. Но все прошло хорошо. Двое старших ребят смастерили гроб, да, Джад?

Джад кивнул и допил остатки холодного чая.

– Дин и Дана Холлы, – сказал он. – И еще этот парнишка, приятель Билли. Не помню, как его звали, но точно кто-то из ребятшек Боуи. Норма, помнишь Боуи? Они жили на Миддл-драйв, в большом старом доме.

– Да! – воскликнула Норма с таким оживлением, словно речь шла о чем-то, что случилось буквально вчера... и, возможно, ей так и казалось. – Это был Боуи! Алан или Барт...

– Или, может быть, Кендалл, – сказал Джад. – Как бы там ни было, помнится, они крепко поспорили, кому нести гроб. Песик-то был совсем мелким, двоим унести – и то тесно. Братья Холлы кричали, что понесут гроб они, потому что они его делали, и еще потому, что они близнецы – вроде как чтобы один к одному, без разнобоя. А Билли кричал, что им нельзя нести гроб, потому что они недостаточно хорошо знали Дизеля. Дизель – так звали собачку. Билли кричал: «Мой отец говорит, что нести гроб можно лишь близким друзьям, а не просто любому плотнику». – Тут Джад с Нормой рассмеялись, а Луис улыбнулся. – Они чуть не подрались, и, наверное, точно дошло бы до драки, но тут Мэнди Холлоуэй, сестренка Билли, притащила какой-то там том «Британники», – продолжал Джад. – В те времена их отец, Стивен Холлоуэй, был единственным доктором на всю округу, по эту сторону от Бангора и по ту сторону от Бакспорта. Во всем Ладлоу только они и могли себе позволить эту энциклопедию.

– И они первыми провели в дом электричество, – вставила Норма.

– В общем, выбегает к ним Мэнди на всех парах. Этакая восьмилетняя кнопка, нос кверху, хвост пистолетом, юбки развеваются, в руках – огромная книжища. Билли и тот малец Боуи... кажется, его все-таки звали Кендалл, он потом разбился в Пенсаколе, где в начале сорок второго тренировали летчиков-истребителей... так вот, они уже готовы были наброситься на близнецов с кулаками. За право нести этого бедного песика на погост. – Луис фыркнул, потом расхохотался в голос. Он буквально чувствовал, как отпускает напряжение, оставшееся после ссоры с Рэйчел. – И вот она говорит: «Погодите! Смотрите, что я нашла!» И они обступают ее и смотрят. И черт меня раздери, эта малявка...

– Джад! – возмущенно воскликнула Норма.

– Прости, дорогая. Ты же знаешь, меня иногда заносит.

– Да уж знаю, – отозвалась она.

– В общем, эта малявка раскрывает книгу на статье «ПОХОРОНЫ», и там есть фотография: королеву Викторию провожают в последний путь, bon voyage и все дела, и вокруг ее гроба толпятся люди, по полсотни с каждой стороны. Кто-то потеет и силится удержать гроб, а кто-то просто стоит в темных траурных одеяниях, с пышными воротниками, и вид у них такой, будто они ждут сигнала к началу скачек. И Мэнди говорит: «Тут написано, что на торжественных королевских похоронах гроб могут нести хоть сто человек!»

– И что, это решило спор? – спросил Луис.

– Решило в лучшем виде. В конечном итоге собралось около дюжины ребятишек, и будь я проклят, если все это не походило на ту фотографию, которую Мэнди нашла в «Британнике», разве что у детишек не было цилиндров и пышных воротников. Мэнди всем заправляла. Выставила всех рядом и дала каждому по цветочку: одуванчик, ромашку, какой-нибудь василек. Так они и пошли. Кстати, я всегда думал, что страна многое потеряла от того, что Мэнди Холлоуэй не избрали в конгресс. – Джад рассмеялся и покачал головой. – Как бы там ни было, после тех похорон Билли больше не мучили кошмары о кладбище домашних животных. Он оплакал свою собаку, превозмог свое горе и стал жить дальше. Как и мы все.

Луис снова подумал о Рэйчел, едва не бившейся в истерике.

– Она успокоится, ваша Элли, и все будет хорошо, – сказала Норма. – Луис, вы, наверное, думаете, что мы здесь только о смерти и говорим. Конечно, мы с Джадом уже совсем старые, но, надеюсь, еще не дошли до той стадии, когда все разговоры лишь о кладбищах да о могилах...

– Что вы! Конечно, нет! – горячо возразил Луис.

– Но мне кажется, нет ничего плохого в том, чтобы дети знали о смерти. Сейчас время такое... я даже не знаю... никто не хочет об этом говорить. Даже думать об этом не хочет. По телевизору запретили показывать сцены со смертью, чтобы они не травмировали детей... и люди все чаще и чаще хоронят близких в закрытых гробах, чтобы не смотреть на покойных и не прощаться с ними в последний раз... как будто стремятся забыть о смерти.

– Зато повсюду проводят кабельное телевидение и крутят фильмы, в которых прямо так и показано... – Джад покосился на Норму и откашлялся. – Показано, чем обычно занимаются люди, задернув шторы, – закончил он. – Странно, как все меняется от поколения к поколению, да?

– Да, наверное, – ответил Луис.

– Мы жили в другое время, – проговорил Джад чуть ли не извиняющимся голосом. – И со смертью мы были, что называется, на короткой ноге. После Первой мировой войны была эпидемия гриппа, и женщины умирали при родах, и дети умирали от лихорадки и всяких инфекций, а доктора если кого и лечили, то только чудом. Когда мы с Нормой были молодыми, рак означал верную смерть. В двадцатых годах никто и не слышал ни о какой лучевой терапии! Две войны, убийства, самоубийства...

Джад ненадолго умолк.

– Мы знали смерть и как врага, и как друга, – наконец сказал он. – Мой брат Пит умер от аппендицита в тысяча девятьсот двенадцатом, когда президентом был Тафт. Питу было четырнадцать, и он отлично играл в бейсбол, лучше всех в городе. В те времена смерть еще не изучали в колледжах, да и не было в том нужды. В те времена смерть запросто заявлялась к тебе домой, мол, «привет, вот и я», иной раз садилась с тобой за стол, а иной раз ты прямо-таки чувствовал, как она хватает тебя за яйца.

На этот раз Норма не сделала ему замечание, а только молча кивнула.

Луис встал и потянулся.

– Пора домой, – сказал он. – Завтра будет тяжелый день.

– Да, завтра у вас начинается канитель. – Джад поднялся на ноги. Увидел, что Норма тоже пытается встать, и протянул ей руку. Она поднялась, морщась от боли.

– Плохо сегодня? – спросил Луис.

– Не очень, – ответила она.

– Когда ляжете спать, приложите грелку.

– Да, я всегда так и делаю, – сказала Норма. – И, Луис... не волнуйтесь за Элли. У нее сейчас много других впечатлений. Новое место, новые друзья... Вряд ли она станет так сильно переживать из-за какого-то старого кладбища. Может, когда-нибудь они все вместе сходят туда, подправят надгробия, повыдергивают сорняки или полиют цветы. Иногда дети ходят туда, когда у них возникает такое желание. И постепенно она успокоится и поймет, что ничего страшного в этом нет.

Вряд ли это понравится моей жене.

– Будет возможность, заходите завтра вечером. Расскажите про первый день на работе, – предложил Джад. – Я вас сделаю в криббедж.

– А может быть, я вас сперва напою, а потом обыграю вчистую.

– Док, – произнес Джад с искренним возмущением, – в тот день, когда я проиграю кому-то в криббедж, я пойму, что пришло время сдаться на милость таким шарлатанам, как вы.

Старики рассмеялись, а Луис спустился с крыльца, перешел дорогу и направился к своему дому.

Рэйчел спала с Гейджем, свернувшись калачиком, словно пыталась закрыться и спрятаться от мира. Луис очень надеялся, что она успокоится и они помирятся – у них и раньше случались размолвки и напряженные периоды, хотя эта ссора была чуть ли не худшей из всех. Он чувствовал себя несчастным и вместе с тем был раздосадован и зол. Он хотел все исправить, но не знал как и даже не был уверен, что первый шаг к примирению должен сделать именно он. Все получилось так глупо – легкое дуновение ветерка, раздутое до масштабов убийственного урагана из-за каких-то там вывертов психики. Да, у них бывали размолвки и споры, но эта ссора из-за слез Элли и ее вопросов вышла уж слишком ожесточенной. Луис подумал, что лучше бы с ними случилось поменьше

таких ударов, иначе их брак не выдержит, и с ними произойдет то, о чем они только читали в газетах или в письмах от друзей. («Знаешь, Лу, я тут подумал, что лучше скажу тебе сам, пока не сказал кто-то из общих знакомых; мы с Мэгги разводимся».)

Он тихо разделся и поставил будильник на шесть утра. Потом пошел в душ, вымыл голову, побрился и, перед тем как почистить зубы, принял таблетку. Из-за холодного чая Нормы у него началась изжога. Или, быть может, из-за того, что, вернувшись домой, он увидел, как Рэйчел спит на своей половине кровати, на самом краешке, как можно дальше от его половины. Своя территория – превыше всего. Кажется, Луис что-то такое читал в университетском учебнике по истории?

Все дела сделаны, день прошел, можно ложиться спать... вот только Луису не спалось. Что-то никак не давало ему покоя. Слушая тихое дыхание Рэйчел и Гейджа, он все прокручивал и прокручивал в голове события последних двух дней. ГЕНЕРАЛ ПАТТОН... ХАННА, САМАЯ ЛУЧШАЯ СОБАКА НА СВЕТЕ... ПАМЯТИ МАРТЫ, НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ КРАЛЬЧИХИ... Разъяренная Элли. Я не хочу, чтобы Черч умирал! Это мой кот! Мой, а не Бога! Пусть Бог заведет своего кота! Разъяренная Рэйчел. Ты, как врач, должен знать... Норма Крэндэлл: Люди как будто стремятся забыть о смерти... И голос Джада, исполненный устрашающей убежденности, голос из другого времени: Иной раз садилась с тобой за стол, а иной раз ты прямо-таки чувствовал, как она хватается тебя за яйца.

И этот голос сливался с голосом матери Луиса, которая солгала ему в четыре года насчет секса, но сказала правду о смерти в двенадцать лет, когда его двоюродная сестра Рути погибла в нелепой автомобильной аварии. Она ехала на отцовской машине, и в нее врезался какой-то мальчишка на ковшовом погрузчике, принадлежавшем муниципальному строительному управлению. Водитель погрузчика оставил ключи в замке зажигания, парень это заметил и решил прокатиться, а потом обнаружил, что не знает, как тормозить. Сам мальчишка отделался лишь небольшими царапинами и ушибами; автомобиль дяди Карла расплющило в лепешку. Она не могла умереть, ответил Луис, когда мать сообщила ему о случившемся. Он слышал слова, но не понимал их смысла. Что значит, ее больше нет? Ты о чем говоришь? А потом вдруг пришла запоздалая мысль: А кто будет ее хоронить? Хотя отец Рути владел похоронным бюро, Луис совершенно не представлял, как дядя Карл станет организовывать похороны собственной дочери. В своем замешательстве и нараставшем страхе Луис вцепился в этот вопрос, который вдруг показался ему невероятно важным.

Это была неразрешимая головоломка, вроде «Кто стрижет городского парикмахера?».

Наверное, Донни Донахью возьмет все на себя, ответила мать. Ее глаза покраснели от слез; она выглядела изможденной и словно больной от усталости. Он партнер твоего дяди и его лучший друг. Ох, Луис... Бедная Рути... У меня никак в голове не укладывается... Помолись со мной, Луис. Помолись со мной за Рути. Мне нужна твоя помощь.

Они оба встали на колени прямо на кухне и принялись молиться, и только тогда Луис окончательно осознал, что случилось; если мать молится за упокой души Рути Крид, значит, тела Рути больше нет. Перед мысленным взором Луиса встала кошмарная картина: Рути приходит к нему на его тринадцатый день рождения, ее разлагающиеся глаза вывалились из орбит, рыжие волосы покрывает белесая плесень – эта картина вызвала у него приступ не только дикого ужаса, но и пугающей, обреченной любви.

Такой боли Луис не испытывал никогда в жизни. Он закричал: Она не могла умереть! МАМА, ОНА НЕ МОГЛА УМЕРЕТЬ! Я ЛЮБЛЮ ЕЕ!

Мать ответила, и в ее бледном, невыразительном голосе было так много всего: мертвые поля под ноябрьским небом, увядшие лепестки роз, побуревшие по краям, пересыхающие водоемы, заросшие тиной, плесень, гниль, прах: Она умерла, дорогой. Мне очень жаль, но ее больше нет. Рути больше нет с нами.

Луис дрожал. В голове билась мысль: Умерла – значит, умерла. Что еще тебе надо?

Внезапно он вспомнил, что забыл сделать и что мешает ему заснуть перед первым рабочим днем на новом месте, что заставляет ворочаться с боку на бок, перебирая в памяти старые горести.

Он встал и направился к лестнице, но вдруг развернулся и прошел в дальний конец коридора, к двери в комнату Элли. Она мирно спала, с открытым ртом, одетая в голубую «кукольную» пижамку, из которой уже выросла. Господи, Элли, подумал он, ты растешь не по дням, а по часам. Черч лежал у нее в ногах, тоже мертвый для мира. Прошу прощения за каламбур.

Внизу в прихожей над столиком с телефоном висела доска, куда Луис и Рэйчел прикалывали квитанции, счета и записки с напоминаниями. По верху доски шла надпись аккуратным почерком Рэйчел: «ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ, НО ЛУЧШЕ ОТЛОЖИТЬ НА ЗАВТРА». Луис открыл телефонную книгу, отыскал нужный номер и записал его на отрывном листочке. А под номером добавил: Ветеринар Квентин Л. Джоландер – записать Черча, – если Дж. сам не кастрирует животных, наверняка он кого-то порекомендует.

Он посмотрел на записку, размышляя, надо ли это делать, хотя уже знал, что надо. Все смутные тревоги и дурные предчувствия материализовались во что-то конкретное, и сегодня в какой-то момент Луис решил – хотя понял это только теперь, – что сделает все возможное, чтобы Черч больше не бегал через дорогу.

Ему по-прежнему претила мысль о кастрации Черча, о том, что кот превратится в ленивого толстого тьюфяка, которому ничего в жизни не нужно, кроме как дрыхнуть на батарее в перерывах между кормежками. Ему не хотелось, чтобы Черч менялся. Черч ему нравился таким как есть.

В темноте за окном, выходящим на шоссе, прогрохотал грузовик, и это решило дело. Луис приколот записку к доске и пошел спать.

11

На следующее утро Элли заметила на доске новую записку и спросила за завтраком, что это значит.

– Это значит, что Черчу сделают маленькую операцию, – ответил Луис. – Возможно, ему придется остаться в ветеринарной клинике на одну ночь. А когда он вернется домой, то будет сидеть во дворе и не захочет никуда убегать.

– И через дорогу тоже не захочет? – спросила Элли.

Ей всего пять, подумал Луис, но она очень смышленная.

– И через дорогу тоже, – согласился он.

– Ура! – воскликнула Элли, и на этом тема была закрыта.

Луис морально готовился к натиску яростных возражений на грани истерики, и его удивила та легкость, с которой дочь согласилась отпустить Черча из дома даже всего на одну ночь. Он понял, как сильно она переживает. Возможно, Рэйчел была права насчет воздействия на Элли этого кладбища домашних животных.

Сама Рэйчел, кормившая Гейджа омлетом, одарила его благодарным и одобрительным взглядом, и Луис почувствовал, как у него отлегло от сердца. Ее взгляд говорил, что лед тает; топор этой конкретной войны зарыт в землю. Луис очень надеялся, что навсегда.

Чуть позже, когда большой желтый автобус увез Элли в садик, Рэйчел подошла к Луису, обняла за шею и нежно поцеловала.

– Ты молодец, – сказала она. – И прости, я была такой стервой.

Луис ответил на ее поцелуй, однако ему все равно было как-то не очень уютно. Это «Прости, я была такой стервой» он слышал от Рэйчел не часто, но и не впервые. Обычно оно означало, что она добилась, чего хотела.

Тем временем Гейдж приковылял к входной двери и уставился через стекло на пустую дорогу.

– Тобус, – сказал он, невозмутимо подтянув обвисший подгузник. – Элли-тобус.

– Как быстро он растет, – заметил Луис.

Рэйчел кивнула.

– На мой взгляд, слишком быстро.

– Ладно, пусть пока растет, – сказал Луис. – Вот вырастет из подгузников и тогда может остановиться.

Она рассмеялась, и между ними все снова стало хорошо – по-настоящему хорошо. Рэйчел отступила на шаг, поправила ему галстук и окинула его

критическим взглядом.

– Ну что, сержант? – спросил он. – Годен?

– Выглядишь очень даже прилично.

– Да, я знаю. Но я похож на кардиохирурга? На человека, получающего двести тысяч в год?

– Да нет, вроде все тот же Лу Крид. – Рэйчел хихикнула. – Рок-н-рольная зверюга.

Луис взглянул на часы:

– Рок-н-рольной зверюге пора бежать на работу.

– Волнуешься?

– Есть немножко.

– Не волнуйся, – сказала она. – Шестьдесят семь тысяч в год – очень даже неплохо за то, чтобы накладывать эластичные бинты, назначать препараты от гриппа и похмелья, выдавать девушкам противозачаточные таблетки...

– И средства от вшей, – улыбнулся Луис. Еще когда он осматривал университетскую клинику в первый раз, его поразили совершенно немыслимые запасы лосьонов и мазей от педикулеза, необходимые разве что на какой-нибудь военной базе, но уж никак не в кампусе университета средних размеров.

Мисс Чарлтон, старшая медсестра, тогда пояснила с циничной усмешкой: «В съемных квартирах за пределами кампуса как-то не очень блюдут санитарные нормы. Вы еще убедитесь».

Да, похоже, придется.

– Удачи, – Рэйчел снова поцеловала его. Не просто чмокнула в щечку, а поцеловала по-настоящему. Но когда она отстранилась, в ее глазах плясали смешинки. – И ради Бога, не забывай, что ты главврач, а не интерн и не стажер.

– Да, доктор, – смиренно ответил Луис, и они опять рассмеялись. Ему хотелось спросить: Это все из-за Зельды? Это из-за нее ты тогда психанула? Оно никак тебя не отпускает? Зельда и то, как она умерла? Но, разумеется, он не стал задавать эти вопросы. Как врач, он знал много всего, например, что смерть столь же естественна, как и деторождение, и хотя это знание было, наверное, самым важным, Луис также знал, что не стоит беречь рану, которая наконец начала потихоньку затягиваться.

Так что он просто поцеловал жену еще раз и вышел.

Это было хорошее начало дня, да и сам день выдался чудесным. В штате Мэн будто снова наступило лето: в голубом небе ни облачка, на улице уже не жарко, но еще достаточно тепло. Выезжая со двора на шоссе, Луис подумал о том, что листья на деревьях еще даже не начали желтеть. И хотя ему очень хотелось увидеть осеннее буйство красок – предполагалось, что это будет волшебное зрелище, – он решил, что может и подождать.

Он развернул «хонду-сивик», их вторую машину, в сторону университета и нажал педаль газа. Сегодня Рэйчел позвонит ветеринару, договорится насчет Черча, и можно будет выбросить из головы и глупые мысли о кладбищах домашних животных (вернее, клатбищах домашних животных; забавно, как это неправильное написание въелось в мозг и стало казаться единственно правильным), и страхи смерти. Ни к чему думать о смерти в такое прекрасное сентябрьское утро.

Луис включил радио и крутил ручку настройки, пока не наткнулся на «Ramones» с их «Rockaway Beach». Он прибавил звук и принялся им подпевать – фальшиво, но зато с большим воодушевлением.

Первым, что он заметил, когда въехал на территорию кампуса, было то, как резко оживилось движение. Автомобили, велосипеды, десятки бегунов,

трусивших прямо по проезжей части. Он едва успел притормозить, чтобы не сбить пару таких спортсменов, выскочивших из-за поворота. Так резко ударил по тормозам, что ремень безопасности больно впился ему в плечо. Луиса всегда раздражали эти бегуны (кстати, такая же мерзопакостная привычка была и у велосипедистов), которые почему-то считали, что как только они стронулись с места, все сразу должны уступать им дорогу. Они же как-никак занимаются спортом! Луис посигналил им, и один из бегунов показал ему средний палец, даже не обернувшись. Луис вздохнул и поехал дальше.

Второй неожиданностью стало отсутствие машины «скорой помощи» на маленькой стоянке перед поликлиникой. Это очень ему не понравилось. Университетская клиника была оборудована всем необходимым для лечения болезней и оказания первой помощи при травмах; там было три смотровых и процедурных кабинета, выходивших в большое фойе, и две палаты стационара на пятнадцать коек каждая. Но операционной там не было, ничего похожего. Если случалось что-то серьезное, пациента везли на «скорой» в окружную больницу Восточного Мэна. Стив Мастертон, здешний фельдшер, когда знакомил Луиса с его будущим местом работы, не без гордости показал регистрационный журнал за два последних учебных года; за эти два года «скорая» выезжала всего тридцать восемь раз... очень неплохо, если учесть, что здесь учится более десяти тысяч студентов, а общее «население» университета составляет почти семнадцать тысяч человек.

И надо же было такому случиться, чтобы в его первый день на работе «скорой» не оказалось на стоянке.

Он поставил машину на место с новенькой табличкой «ДОКТОР КРИД» и поспешил внутрь.

В первом смотровом кабинете он обнаружил сестру Чарлтон, сидящую, но стройную и энергичную женщину лет пятидесяти. Она мерила температуру какой-то девице в джинсах и топе на бретельках. Луис заметил, что девица не так давно хорошо обгорела на солнце; кожа на плечах слезала лохмотьями.

– Доброе утро, Джоан, – сказал он. – А где «скорая»?

– О, у нас тут трагедия, – ответила мисс Чарлтон, вынимая термометр изо рта пациентки. – Стив Мастертон пришел на работу к семи утра и увидел огромную

лужу под капотом нашей старушки. Радиатор потек. Пришлось отогнать ее в ремонт.

– Печально, – заметил Луис, но у него отлегло от сердца. Он-то боялся, что машина на вызове. – И когда мы получим ее обратно?

Джоан Чарлтон рассмеялась.

– Зная наших университетских механиков, я бы сказала, что где-то в двадцатых числах декабря, с рождественской ленточкой на боку. – Она повернулась к студентке. – У вас небольшая температура. Примите две таблетки аспирина и воздержитесь от походов по барам и прогулок по темным улицам.

Бросив на Луиса быстрый оценивающий взгляд, девица направилась к выходу.

– Наша первая пациентка в новом семестре, – кисло проговорила Чарлтон и резко встряхнула термометр.

– Кажется, вы ей не рады.

– Я знаю таких, как она, – сказала Чарлтон. – Есть еще спортсмены-герои, которые продолжают играть даже с легкими переломами и поврежденными сухожилиями, потому что ну как же им сесть на скамью запасных, они же крепкие парни и не хотят подводить команду, даже с риском для будущей профессиональной спортивной карьеры. И есть вот такие мисс Небольшая Температура... – Чарлтон кивнула на окно. Луис посмотрел туда и видел девицу с обгоревшими плечами, которая шла в сторону общежития. В кабинете она изображала умирающего лебедя, который держится из последних сил, а теперь вышагивала вполне бодро, игриво покачивая бедрами и явно наслаждаясь вниманием окружающих. – Типичный случай студенческой ипохондрии. – Чарлтон положила термометр в стерилизатор. – В этом учебном году мы с ней еще не раз удивимся. Особенно перед сессией. Где-то за неделю до начала экзаменов она непременно убедит себя, что у нее тяжелейшая пневмония. Или острый бронхит. Получит освобождение от половины тестов – на тех предметах, где преподавы тьюфяки, как их называют студенты, – и на пересдаче ее будут не так сильно мучить. Подобные ей всегда резко заболевают, если известно, что экзамен пройдет в форме контрольного теста, а не свободного сочинения.

– Сегодня утром вы как-то особенно циничны. – Луис даже слегка растерялся.

Она подмигнула ему, и он улыбнулся.

– Я не принимаю все это близко к сердцу, доктор. И вам не советую.

– А где Стивен?

– У вас в кабинете. Отвечает на письма и пытается разгрести гору бюрократических бумажек от медицинской ассоциации.

Луис пошел к себе в кабинет. Несмотря на цинизм сестры Чарлтон, работать с ней было легко и приятно.

Вспоминая все это впоследствии, Луис приходил к мысли – когда вообще был в состоянии об этом думать, – что кошмар начался именно в тот день, около десяти утра, когда в клинику принесли умирающего студента Виктора Паскоу.

До этого все было спокойно. Ровно в девять, через полчаса после прихода Луиса, явились две медсестры, работавшие с девяти до трех. Две молоденькие волонтерки в полосатых красно-белых нарядах. Луис выдал каждой по пончику и чашке кофе и беседовал с ними около четверти часа, разъясняя им их обязанности: что надо делать и, самое главное, чего делать не надо. Потом за них взялась Чарлтон. Когда она уводила их из кабинета, Луис услышал, как она спросила:

– У вас нет аллергии на экскременты и рвотные массы? Тут вы на это посмотритесь.

– О Боже, – пробормотал Луис, закрывая лицо ладонью. Но он улыбался. На таких вот суровых и грубоватых женщинах, как Чарлтон, и держится вся практическая медицина.

Луис принялся заполнять бланки отчетов для медицинской ассоциации, в основном инвентарные ведомости с перечислением всех наличествующих лекарств и медицинского оборудования («Каждый год одно и то же! – ворчал

Стив Мастертон. – Может, напишете: Полный комплект оборудования для пересадки сердца, примерная стоимость – восемь миллионов долларов, – а, Луис? То-то они удивятся!»), совершенно зарылся в бумаги, и даже мысли о кофе, который явно пришелся бы кстати, маячили только на краю сознания, но тут из приемной донесся крик Мастертона:

– Луис! Эй, Луис, идите сюда! У нас тут такое!

Явная паника в голосе Мастертона заставила Луиса поторопиться. Он сорвался с места, словно подсознательно ждал чего-то подобного. Из приемной донесся пронзительный визг, тонкий и острый, как осколок стекла, а за ним – звук пощечины и голос Чарлтон:

– Замолчи или убирайся отсюда к чертям! Замолчи сейчас же!

Луис ворвался в приемную и поначалу увидел лишь кровь – море крови. Одна из медсестер рыдала. Другая, бледная как мел, прижимала кулаки к уголкам рта, отчего ее губы растянулись в кошмарной ухмылке. Мастертон стоял на коленях, пытаясь поддерживать голову распростертого на полу парня.

Стив поднял на Луиса глаза – потрясенные, широко открытые, полные страха глаза. Он попытался что-то сказать, но не смог.

Люди толпились у широких стеклянных входных дверей, старались заглянуть внутрь, прижимались лицами к стеклу, приставляли ладони, чтобы не отсвечивало. Перед мысленным взором Луиса встала картина, совершенно безумная, но весьма подходящая: раннее утро, ему шесть лет, мама скоро уйдет на работу, а пока она не ушла, они вместе смотрят телевизор. Старую программу «Сегодня» с Дейвом Гарроуэем. Люди на улице глазеют на Дейва, Фрэнка, Блэра, и Дж. Фреда Маггса. Луис обвел взглядом приемную и увидел, что и у окон толпятся люди. Если с зеваками у дверей ничего сделать было нельзя, то...

– Закройте шторы, – рявкнул он кричащей медсестре.

Та не сдвинулась с места, и Чарлтон шлепнула ее по задку:

– Шевелись, девочка!

Это придало ей ускорение. Не прошло и минуты, как зеленые шторы на окнах были задернуты. Чарлтон и Стив Мастертон бессознательно встали так, чтобы закрыть собой лежавшего на полу парня от зрителей у дверей.

– Носилки, доктор? – спросила Чарлтон.

– Если надо, несите, – ответил Луис, садясь на корточки рядом с Мастертоном. – Я еще даже не видел, что с ним.

– Беги за носилками, – обратилась Чарлтон к девушке, закрывавшей шторы. Та вновь прижала кулаки к губам, растянув их в жуткую ухмылку. Посмотрела на Чарлтон и простонала:

– О-ой...

– Да, именно ой. Шевелись. – Чарлтон резко дернула девушку за руку, заставив сдвинуться с места. Медсестра умчалась прочь, шелестя красно-белой юбкой.

Луис склонился над своим первым пациентом в Мэнском университете в Ороно.

Это был молодой человек лет двадцати, и Луис поставил ему диагноз за три секунды: молодой человек умирал. Полголовы было раздавлено в кашу. Шея была сломана. Правая ключица прорвала кожу и торчала наружу. Из раны на голове текла кровь и желтая, похожая на гной жидкость. Через дыру в черепе проглядывал мозг, беловато-серая пульсирующая масса. Как будто смотришь сквозь разбитое окно. Дыра была около пяти сантиметров в диаметре; будь у парня в голове ребенок, он мог бы родить, словно Зевс. Невероятно, что он до сих пор был жив. Луису вдруг вспомнились слова Джада Крэндалла: Иной раз ты прямо-таки чувствовал, как смерть хватает тебя за яйца. И слова матери: Умерла – значит, умерла. Его охватило безумное желание рассмеяться. Умерла – значит, умерла, все верно. Точно подмечено, приятель.

– Вызывай «скорую», – велел он Мастертону. – Мы...

– Луис, «скорая»...

– О Господи. – Луис хлопнул себя по лбу. Поглядел на Чарлтон. – Джоан, что вы делаете в таких случаях? Звоните в местную службу охраны или в окружную больницу?

Джоан выглядела встревоженной и растерянной – состояние, явно ей не свойственное. Но ее голос звучал спокойно:

– Доктор, я не знаю. Пока я здесь работаю, таких случаев у нас еще не было.

Луис принялся лихорадочно соображать.

– Вызывайте полицию кампуса. У нас нет времени дожидаться «скорой» из больницы. Если что, пусть везут его в Бангор на пожарной машине. По крайней мере на ней есть сирена, мигалки... Займитесь этим, Джоан.

Она быстро вышла, но Луис все же успел заметить ее печальный, сочувствующий взгляд. И он понимал, в чем причина. Этот молодой человек, загорелый и мускулистый – возможно, летом он подрабатывал маляром, или дорожным рабочим, или теннисным тренером, – одетый лишь в красные спортивные трусы с белыми лампасами, умрет в любом случае, что бы они ни предприняли. Даже если бы их «скорая» была на ходу и ждала бы с уже прогретым двигателем, она все равно не довезла бы его до больницы.

Невероятно, но умирающий двигался. Его глаза распахнулись. Голубые глаза, налитые кровью. Невидящий взгляд слепо блуждал вокруг. Молодой человек попытался повернуть голову, но Луис его удержал, памятуя о сломанной шее. Черепно-мозговая травма не исключала возможности болевых ощущений.

Дыра у него в голове, Господи Боже, дыра у него в голове.

– Что с ним случилось? – спросил он у Стива, хорошо понимая, что в сложившихся обстоятельствах это был совершенно бессмысленный, идиотский вопрос. Вопрос стороннего наблюдателя. Но дыра в голове парня не оставляла сомнений: ничего сделать нельзя, можно лишь наблюдать. – Его привезла полиция?

– Какие-то студенты принесли его на одеяле. Я не знаю, что там произошло.

Надо было подумать о том, что делать дальше. Это тоже входило в его обязанности.

– Найдите их, – сказал Луис. – Приведите сюда, но через другую дверь. Мне нужно будет с ними поговорить, но я не хочу, чтобы они это видели, им и так уже хватит.

Мастертон, явно обрадованный возможностью оказаться подальше отсюда, бросился к двери и открыл ее, впустив внутрь гул взволнованных, любопытных, испуганных голосов. Луис услышал вой полицейской сирены. Служба охраны кампуса уже подъезжала. Он испытал несказанное облегчение.

Умиравший парень издал какой-то булькающий звук. Он пытался что-то сказать. Луис различал отдельные звуки, но слов было не разобрать.

Он склонился над парнем:

– Все будет хорошо, дружище.

При этом он почему-то подумал о Рэйчел и Элли, и у него внутри все оборвалось. Он зажал рот рукой, подавляя отрыжку.

– Ка-а-а-а, – сказал молодой человек. – Га-а-а-а-а...

Луис огляделся и увидел, что остался один на один с умирающим. Откуда-то издалека доносился голос Джоан Чарлтон, оравшей медсестрам, что носилки лежат в кладовой у второго процедурного кабинета. Луис очень сомневался, что девочки отличат кладовую у второго процедурного кабинета от жабьих гонад; сегодня они работали первый день. Хорошенькое знакомство с миром медицины! Зеленый ковер в приемной насквозь пропитался кровью в том месте, где лежала разбитая голова парня; хорошо хоть, внутричерепная жидкость больше не вытекала.

– Кладбище домашних животных, – прохрипел молодой человек... и растянул губы в ухмылке, поразительно схожей с истерической, невеселой ухмылкой медсестры, что закрывала шторы.

Луис уставился на него, не поверив своим ушам. Потом решил, что это была слуховая галлюцинация. Он произнес несколько бессвязных звуков, а мое подсознание сложило из них слова, подогнав эти звуки под то, чем в последнее время заняты все мои мысли. Но произошло нечто другое, и уже в следующую секунду Луис был вынужден это признать. Его охватил совершенно безумный страх, по спине побежали мурашки – именно побежали, почти в прямом смысле, – все внутри перевернулось... однако даже тогда он категорически не желал верить своим ушам. Да, окровавленные губы парня вылепили слова, которые услышал Луис, но это значило лишь то, что галлюцинация была не только слуховой, но и зрительной.

– Что ты сказал? – прошептал он.

На этот раз слова прозвучали отчетливо, словно речь говорящего попугая:

– Это ненастоящее кладбище.

Налитые кровью глаза были безжизненными и пустыми; губы застыли в ухмылке, напоминавшей оскал дохлой рыбыны.

От ужаса сердце Луиса сжалось, словно его сдавила невидимая ледяная рука. Он вдруг почувствовал себя слабым и маленьким. Ему захотелось бежать отсюда, бежать от этой окровавленной, изуродованной говорящей головы на полу. Луис всегда был далек от религии и не имел склонности к оккультизму и прочим потусторонним вещам. Он был совсем не готов к тому... к тому, что сейчас происходило.

Борясь с желанием пуститься в бегство, он заставил себя наклониться еще ближе к парню.

– Что ты сказал? – повторил он.

Эта ухмылка была скверной.

– Земля в человеческом сердце, она еще тверже, Луис, – прошептал умирающий. – Человек растит что может и заботится о посевах.

Луис, подумал он, уже не слушая, что было дальше. О Боже, он назвал меня по имени.

– Кто ты? – спросил Луис ломким, дрожащим голосом. – Кто ты?

– Индеец приносит мне рыбу.

– Откуда ты знаешь, как меня...

– Держись подальше. Знай...

– Ты...

– Ка-а-а, – сказал молодой человек, и теперь Луису показалось, что в его дыхании чувствуется запах смерти, внутренних повреждений, сбоя сердечных ритмов, обрыва, конца.

– Что? – Его охватило безумное желание хорошенько встряхнуть умирающего.

– Га-а-а-а-а-а...

Молодой человек в красных спортивных трусах забился в конвульсиях, а затем вдруг напрягся, словно все мышцы разом свело судорогой. На мгновение его пустые глаза прояснились, и, кажется, он поймал взгляд Луиса. А потом все закончилось. Пахнуло зловонием. Луис подумал, что он снова заговорит, должен заговорить. Но его взгляд опять стал пустым, и глаза начали стекленеть. Парень был мертв.

Луис выпрямился, смутно осознавая, что одежда прилипла к телу; он был весь мокрый от пота. Перед глазами разлилась тьма, расправила мягкие черные крылья, мир закружился и начал заваливаться на сторону. Луис понял, что происходит. Он отвернулся от мертвеца, опустил голову между коленями и надавил двумя пальцами на десны. Надавил сильно, ногтями – до крови.

Через пару секунд все опять пришло в норму.

А потом помещение как-то сразу наполнилось людьми, словно все они были актерами, ожидавшими сигнала, чтобы выйти на сцену. Это лишь усугубило ощущение дезориентации и нереальности происходящего – сила этих ощущений, которые Луис изучал на семинарах по психологии, но никогда не испытывал сам, изрядно его напугала. Он подумал, что, наверное, именно так себя чувствует человек, принявший немалую дозу ЛСД.

Словно это спектакль, затеянный ради меня одного. Сначала все очень кстати очистили сцену, чтобы умирающая Сивилла изрекла непонятное пророчество, предназначенное исключительно для моих ушей, и как только она умерла, все вернулись.

Молоденькие медсестры притащили жесткие носилки, которые использовались для транспортировки больных с травмами спины или шеи. За ними вошла Чарлтон и сообщила, что полиция кампуса уже приступила к расследованию. Молодого человека сбила машина, когда он совершал пробежку. Луис вспомнил двух бегунов, которых сам едва не переехал сегодня утром, и ему стало дурно.

Следом за Чарлтон пришел Стив Мастертон с двумя полицейскими из университетской службы охраны.

– Луис, те ребята, которые принесли Паскоу... – Он резко умолк и спросил: – Луис, вам плохо?

– Все нормально, – ответил Луис, поднимаясь на ноги. Его опять охватила слабость, но через пару секунд все прошло. – Его звали Паскоу?

Один из полицейских сказал:

– Виктор Паскоу. По словам девушки, с которой они вместе бежали.

Луис взглянул на часы и отнял две минуты. Из кабинета, куда Мастертон отвел тех ребят, которые принесли Паскоу, доносились пронзительные девичьи рыдания. С возвращением в школу, леди, подумал он. Приятного вам семестра.

– Мистер Паскоу умер в десять ноль девять, – сказал он.

Один из полицейских вытер рот тыльной стороной ладони.

– Луис, вы точно в порядке? – снова спросил Мастертон. – Вид у вас просто ужасный.

Луис открыл рот, чтобы ответить, но тут одна из медсестер бросила носилки и метнулась к выходу. Не добежала. Ее вырвало прямо на бегу. Зазвонил телефон. Девушка, рыдавшая в кабинете, принялась выкрикивать имя покойного: «Вик! Вик! Вик!» Снова и снова. Бедлам. Дурдом. Один из полицейских спросил, можно ли получить одеяло, чтобы прикрыть тело, а Чарлтон ответила, что она не имеет права распоряжаться собственностью поликлиники, и Луису вдруг вспомнилась строчка из Мориса Сендака: «А теперь мы устроим чудовищный тарарам!»

Он все же сумел подавить противный смешок, подступивший к горлу. Этот Паскоу и вправду произнес слова «кладбище домашних животных»? Этот Паскоу и вправду назвал его по имени? Вопросы сводили с ума, выбивали из колеи. Но его разум уже оборачивал воспоминания о тех мгновениях защитной пленкой – вылепливал заново, изменял, разъединял. Разумеется, Паскоу сказал что-то другое (если вообще что-нибудь говорил), а Луис все понял неправильно, потому что был в шоке. Скорее всего Паскоу просто издавал бессвязные звуки, как он и подумал в самом начале.

Луис взял себя в руки, призвав на помощь все качества, из-за которых администрация университета отдала эту работу ему, а не кому-то другому из остальных пятидесяти трех претендентов. Кто-то должен был навести здесь порядок; люди потерянно слонялись туда-сюда, не зная, что делать дальше.

– Стив, дайте девочке успокоительное, – распорядился он и сразу почувствовал себя лучше. Словно был пилотом космического корабля, который на миг потерял управление, но теперь снова выправил курс. Миг, когда корабль вышел из-под контроля, – это, конечно, был тот иррациональный момент, когда Паскоу заговорил. Луиса пригласили сюда для того, чтобы он принял командование на себя, чем он сейчас и собирался заняться.

– Джоан, выдайте им одеяло.

– Доктор, мы еще не проводили инвентаризацию...

– Все равно выдайте им одеяло. И проверьте, что с той медсестрой. – Он взглянул на вторую медсестру, которая все еще держала свой край носилок. Она застыла на месте и смотрела на останки Паскоу как зачарованная. – Сестра! – резко произнес Луис, и ее взгляд оторвался от тела.

– Ч-ч-что...

– Как зовут ту, другую?

– К-кого?

– Ту, которая блеванула, – пояснил он с намеренной грубостью.

– Дж-Дж-Джуди. Джуди Делессью.

– А вас как зовут?

– Карла. – Теперь ее голос звучал чуть тверже.

– Карла, проверьте, что с Джуди. И принесите одеяло. Они хранятся в подсобке рядом с первым смотровым кабинетом. Так, коллеги, давайте займемся делом. Я ко всем обращаюсь.

Все сдвинулось с мертвой точки. Крики в соседней комнате вскоре затихли. Замолчавший было телефон снова начал трезвонить. Луис нажал кнопку удержания вызова, не снимая трубку.

Старший из полицейских выглядел более собранным, и Луис обратился к нему:

– Кого следует уведомить о случившемся? Можете предоставить мне список?

Полицейский кивнул и сказал:

– Первый случай за последние шесть лет. Не самое лучшее начало семестра.

– Это да. – Луис поднял трубку и отпустил кнопку на телефоне.

– Алло! Кто это... – начал взволнованный голос, но Луис оборвал связь и принялся сам набирать номер.

14

Все более-менее успокоилось лишь к четырем часам дня, после того как Луис и Ричард Ирвин, начальник службы охраны кампуса, сделали заявление для прессы. Молодой человек, Виктор Паскоу, совершал утреннюю пробежку в компании приятеля и невесты. Тремонт Уитерс, двадцатитрехлетний житель Хейвена, штат Мэн, ехал на автомобиле с превышением скорости, направляясь от Ленгильской женской гимназии к центру кампуса. Машина Уитерса сбила Паскоу, и тот ударился головой о дерево. Друзья Паскоу и двое прохожих доставили его в клинику. Через несколько минут он скончался. Уитерс был задержан по обвинению в неосторожном вождении, в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и в непредумышленном убийстве.

Редактор университетской газеты спросил, можно ли написать, что Паскоу умер от черепно-мозговой травмы. Луис, думая о разбитом окне, сквозь которое проглядывал мозг, ответил, что лучше дождаться, когда окружной коронер официально объявит причину смерти. Тогда редактор спросил, могло ли так получиться, что четверо молодых людей, принесших Паскоу на одеяле, непреднамеренно усугубили возможность летального исхода.

– Нет, – ответил Луис. – Ни в коем случае. По моему мнению, мистер Паскоу получил смертельную травму в момент удара.

Были еще и другие вопросы, но именно этот ответ завершил пресс-конференцию. Теперь Луис сидел у себя в кабинете (Стив Мастертон умчался домой час назад, сразу после пресс-конференции, чтобы успеть посмотреть на себя в вечерних новостях, как подозревал Луис) и пытался хоть как-то собраться с мыслями и склеить осколки разбитого дня. Или если не склеить, то хотя бы спрятать случившееся под тонким слоем рутины. Они с Чарлтон просматривали медицинские карты «передового отряда учебного фронта» – студентов, упорно продолжавших учиться, несмотря на тяжелые недуги. Там было двадцать три диабетика, пятнадцать эпилептиков, четырнадцать человек с параличом нижних

конечностей, а также несколько с лейкемией, церебральным параличом и мышечной дистрофией; слепые студенты, двое немых и один случай серповидноклеточной анемии, с которой Луис никогда прежде не сталкивался.

Возможно, он справился бы и сам, но его подкосила записка на розовом листочке, которую Чарлтон положила ему на стол сразу после ухода Мастертона: Ковер из Бангора. Привезут завтра в 09:00.

– Ковер? – озадаченно спросил он.

– Его придется заменить, – сказала Чарлтон чуть ли не извиняющимся тоном. – Это пятно уже не отмыть, доктор.

Да, конечно. После этого Луис пошел в пункт выдачи медикаментов и принял туинал – тот самый туинал, который его однокурсник и первый сосед по общежитию при медицинском колледже называл чудесатыми колесами. «А давай-ка прокатимся на чудесатых колесах, Луис, – предлагал он. – Врубим «Creedence», побалдеем». Луис чаще отказывался, чем соглашался, и, наверное, правильно делал; того однокурсника исключили из колледжа в третьем семестре, и он укатил на чудесатых колесах прямиком во Вьетнам в качестве госпитального санитаря. Луис иногда представлял его там, на войне, упоротого по самые уши и балдеющего под «Run Through the Jungle» в исполнении «Creedence».

Но сейчас он нуждался в чем-то таком. Если ему предстоит наблюдать эту розовую записку насчет ковра всякий раз, когда он отрывает взгляд от разложенных на столе медицинских карт, требовалось хоть как-то себя поддержать.

Дела шли вполне неплохо, когда миссис Баллингс, ночная сиделка, заглянула к нему в кабинет и сказала:

– Звонит ваша жена, мистер Крид. На первой линии.

Луис посмотрел на часы и увидел, что уже половина шестого; он должен был уйти с работы полтора часа назад.

– Хорошо, Нэнси. Спасибо.

Он пододвинул к себе телефон, поднял трубку и включил первую линию.

– Привет, дорогая. Я уже еду...

– Луис, с тобой все в порядке?

– Да, все хорошо.

– Я все знаю, Лу. Слышала в новостях. Мне так жаль. – Она на мгновение умолкла. – Я по радио слышала. И тебя тоже слышала. Ты отвечал на какой-то вопрос. Хорошо отвечал, твердо.

– Да? Это радует.

– Ты правда в порядке?

– Да, Рэйчел.

– Езжай домой, – сказала она.

– Уже еду, – отозвался Луис.

Домой. Это была хорошая идея.

15

Она встретила его в дверях, и у него отвисла челюсть. Она была в кружевном бюстгальтере, который всегда ему нравился, и в полупрозрачных трусиках. И больше на ней не было ничего.

– Потрясающе выглядишь, – сказал он. – А где дети?

– Их забрала Мисси Дандридж. Мы одни до восьми тридцати... то есть у нас два с половиной часа. Не будем зря тратить время.

Она прижалась к нему. Он почувствовал легкий, приятный аромат – наверное, розовое масло? Сначала он обнял ее за талию, потом его руки легли на ее ягодицы; ее язык игриво скользнул по его губам и проник к нему в рот.

Когда они наконец оторвались друг от друга, он хрипло спросил:

– Ужинать будем?

– Только десерт. – Она принялась тереться низом живота о его пах, медленно и сладострастно вращая бедрами. – Но обещаю, что тебе понравится.

Он потянулся к ней, но она выскользнула из его объятий и взяла его за руку.

– Сначала вверх, – сказала она.

Она приготовила ему горячую ванну, медленно раздела его и заставила забраться в воду. Потом взяла жесткую мочалку-варежку, которая обычно висела без дела на головке душа, бережно намылила его и смыла пену. Он чувствовал, как напряжение этого дня – кошмарного первого рабочего дня – постепенно отпускает. Рэйчел вымокла сама, трусики облегли ее, как вторая кожа.

Луис попытался выбраться из ванны, но Рэйчел мягко толкнула его обратно.

– Что...

Она осторожно сжала его мочалкой – осторожно, но твердо – и принялась медленно двигать рукой вверх-вниз. Это было приятно и в то же время почти невыносимо.

– Рэйчел... – Его бросило в жар, и не только из-за горячей воды.

– Тс-с.

Все это длилось целую вечность: как только Луису начинало казаться, что он дошел до предела, Рейчел замедляла движения рукой почти до полной остановки. Но не останавливалась, а сжимала, потом отпускала и снова сжимала, пока он не кончил с такой силой, что у него зазвенело в ушах.

– Господи, – выдохнул он, когда снова смог говорить. – Где ты этому научилась?

– В герлскаутах, – отозвалась она строгим голосом.

Она приготовила бефстроганов, томившийся на медленном огне, пока они были в ванной, и Луис, который еще пару часов назад был уверен, что в следующий раз ему захочется есть не раньше Хэллоуина, попросил добавку.

Потом она снова увела его вверх.

– Вот теперь, – сказала она, – покажи, что ты можешь сделать для меня.

С учетом всего, что случилось сегодня, Луис справился очень даже неплохо.

Потом Рэйчел надела свою старую голубую пижаму, а Луис натянул фланелевую рубашку и почти бесформенные вельветовые штаны – Рэйчел называла их его рубищем – и поехал за детьми.

Мисси Дандридж принялась расспрашивать его об утреннем происшествии, и он кое-что ей рассказал, не вдаваясь в подробности, – рассказал даже меньше, чем она, вероятно, на завтра прочтет в бангорской «Дейли ньюс». Он чувствовал себя грязным сплетником, но Мисси не брала денег за то, что сидела с детьми, и ему хотелось хоть как-то отблагодарить ее за восхитительный вечер, который они с Рэйчел провели наедине.

Гейдж заснул еще прежде, чем Луис доехал до дома, а ехать было всего одну милю. Даже Элли зевала и сидела с совершенно остекленевшим взглядом. Луис сменил Гейджу подгузник, упаковал малыша в спальный комбинезон и уложил в кроватку. Потом почитал Элли книжку. Как обычно, она потребовала «Там, где

живут чудовища», сама будучи опытным чудовищем. Но Луис все-таки уговорил ее на «Кота в шляпе». Она заснула через пять минут после того, как они с Рэйчел уложили ее в постель.

Когда Луис снова спустился вниз, Рэйчел сидела в гостиной со стаканом молока и раскрытым на коленях детективом Дороти Сэйерс.

– Луис, ты правда в порядке?

– Да, дорогая, – ответил он. – И спасибо тебе. За все.

– Все для вас, – проговорила она с озорной улыбкой. – Пойдешь сегодня пить пиво с Джадом?

Он покачал головой:

– Сегодня нет. Я и так еле стою на ногах.

– Надеюсь, я тоже этому поспособствовала.

– Похоже на то.

– Тогда, доктор, выпейте на ночь стакан молока, и пойдем спать.

Луис думал, что долго не сможет заснуть, как это случалось в особо тяжелые дни в его бытность интерном, когда он часами ворочался с боку на бок, вновь и вновь переживая события прошедшего дня. Но соскользнул в сон легко и плавно, словно скатился по гладкой горке. Он где-то читал, что человек засыпает в среднем за семь минут. Всего семь минут нужно на то, чтобы отключиться от всех переживаний. Семь минут – чтобы сознание и подсознание поменялись местами, подобно изображениям на вращающейся стене в комнате ужасов в парке развлечений. Было в этом что-то жутковатое.

Он уже почти заснул, когда услышал голос Рэйчел, доносившийся словно издалека:

– ...послезавтра.

– А?

– Джоландер. Ветеринар. Он записал Черча на послезавтра.

– Ага.

Черч. Скоро, старик, ты лишишься самого дорогого. А потом Луис заснул, словно провалился в яму, и спал крепко, без сновидений.

16

Посреди ночи его разбудил какой-то грохот. Луис сел на постели, пытаясь понять, что это было: то ли Элли упала на пол, то ли сломалась кровать Гейджа. А потом луна вышла из-за облаков, залив комнату холодным белым сиянием, и Луис увидел Виктора Паскоу, стоявшего в дверном проеме. Луиса разбудил грохот распахнувшейся двери.

Череп Паскоу был проломлен. Кровь на лице засохла бордовыми полосами, и он стал похож на индейца в боевой раскраске. Сломанная ключица торчала наружу. Он ухмылялся.

– Вставай, доктор, – сказал Паскоу. – Нам надо кое-куда сходить.

Луис оглянулся. Жена крепко спала, свернувшись калачиком под желтым одеялом. Он повернулся к Паскоу, который умер, но почему-то явился сюда как живой. Однако Луис не испугался. И почти сразу сообразил, в чем причина.

Это сон, подумал он с облегчением – и только по этому облегчению понял, что ему все-таки было страшно. Мертвые не возвращаются; это физиологически невозможно. Этот молодой человек сейчас лежит в выдвижном ящике в бангорском морге, с зашитым Y-образным разрезом на теле. Возможно, патологоанатом, бравший образцы тканей, поместил его мозг в грудную полость, а черепную коробку набил бумагой – это проще, чем запихивать мозг обратно в череп. Дядя Карл, отец злосчастной Рути, рассказывал, что патологоанатомы так делают. Он рассказывал много такого, от чего Рэйчел с ее

болезненным страхом смерти точно бросило бы в дрожь. Но Паскоу здесь нет – ни в коем разе, мой зайчик. Паскоу лежит в холодильной камере с биркой на пальце ноги. И вряд ли он там лежит в этих красных спортивных трусах.

И все-таки побуждение встать было сильным. Паскоу смотрел на него в упор.

Он откинул одеяло и спустил ноги на пол. Тряпичный ковер, свадебный подарок от бабушки Рэйчел, вдавился в пятки холодными узелками. Сон был невероятно реальным. Настолько реальным, что Луис пошел за Паскоу, только когда тот повернулся к нему спиной и начал спускаться по лестнице. Да, побуждение идти было сильным, но даже во сне Луис не хотел, чтобы к нему прикасался ходячий мертвец.

Но он пошел. Спортивные трусы Паскоу тускло мерцали впереди.

Они прошли через гостиную, через столовую, через кухню. Луис решил, что сейчас Паскоу откроет дверь между кухней и пристройкой, служившей гаражом для микроавтобуса и «сивика», но Паскоу не стал открывать дверь. Он просто прошел сквозь нее. И Луис, глядя на это, подумал с тихим изумлением: Вот как это делается! Замечательно! Так может каждый!

Он попробовал сам – и слегка удивился, наткнувшись на твердую деревянную преграду. Очевидно, он был непробиваемым реалистом, даже во сне. Луис повернул ручку, поднял засов и прошел в гараж. Паскоу там не было. Возможно, тот просто исчез и уже не появится. Во снах так бывает. Вот ты стоишь у бассейна голышом, с мощной эрекцией, и обсуждаешь возможность группового секса с обменом партнерами, ну, допустим, с Роджером и Мисси Дандридж, а потом раз! – и ты вдруг карабкаешься по склону какого-нибудь гавайского вулкана. Может быть, Паскоу исчез потому, что сейчас начиналось второе действие.

Но когда Луис вышел из гаража, он снова увидел Паскоу, стоявшего в бледном свете луны на краю лужайки – там, где начиналась тропинка.

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно. Страх мягко просачивался через кожу и заполнял все пустоты внутри черным дымом. Ему не хотелось туда идти. Он замер на месте.

Паскоу оглянулся через плечо, в лунном свете его глаза отливали серебром. Сердце Луиса сжалось от безысходного ужаса. Эта торчащая наружу кость, эти сгустки запекшейся крови... Но нечего было и думать о том, чтобы сопротивляться этому взгляду. Очевидно, это был сон о бессилии, о подавлении воли... о том, что ты ничего не изменишь и не отменишь, как наяву он не смог отменить смерть Паскоу. Учись хоть двадцать лет – все равно не сумеешь спасти человека с проломленной головой. С тем же успехом можно обратиться за помощью к водопроводчику, шаману с бубном или дяденьке из рекламы мусорных пакетов.

Все эти мысли пронеслись у него в голове, когда он ступил на тропинку и пошел вслед за Паскоу в красных спортивных трусах, которые в бледном свете луны казались темно-бордовыми, как засохшая кровь на его лице.

Ему не нравился этот сон. Очень не нравился. Он был слишком реальным. Холодные узелки ковра, неспособность пройти сквозь дверь, хотя в любом уважающем себя сне человек запросто может (и должен) проходить сквозь стены и закрытые двери... и вот теперь – прохладная роса под босыми ногами, и легкий ночной ветерок, овевающий кожу. Луис вышел из дома практически голым, в одних трусах. Зайдя под деревья, он почувствовал под ногами сухие сосновые иглы... еще одна маленькая деталь, слишком реалистичная для сновидения.

Не бери в голову. Ничего этого нет. Я сейчас дома, в своей постели. Это всего лишь сон, и не важно, насколько он реалистичный; как и все остальные сны, завтра утром он покажется мне смешным. Мой бодрствующий разум сразу выявит все его неувязки.

Тонкая сухая ветка вонзилась в плечо, и Луис поморщился. Шагавший впереди Паскоу казался неясной тенью, и теперь страх Луиса выкристаллизовался в одну очень ясную мысль: Я иду в лес следом за мертвецом, я иду следом за мертвецом на кладбище домашних животных, и это не сон. Господи, миленький, это не сон. Это все происходит на самом деле.

Они прошли первый лесистый холм. Тропинка петляла среди деревьев, а потом нырнула в подлесок. Сейчас резиновые сапоги были бы очень кстати. Земля под ногами расползалась холодным студнем, липла к ступням и отпускала весьма неохотно. Все это сопровождалось противными чавкающими звуками. Луис чувствовал, как грязь просачивалась между пальцами, словно пытаюсь их

разъединить.

Он отчаянно цеплялся за мысль, что это все-таки сон.

Но у него не особенно получалось.

Они добрались до поляны. Луна снова вышла из-за облаков и теперь омывала кладбище своим призрачным светом. Покосившиеся надгробия – доски, куски шиферных плит, старые жестянки, разрезанные отцовскими ножницами по металлу и кое-как выпрямленные молотком, – вырисовывались особенно четко, отбрасывая безукоризненно черные, резкие тени.

Паскоу остановился возле КОТИКА СМАКИ, ОН БЫЛ ПОСЛУШНЫМ и обернулся к Луису. Страх, ужас... они разрастались внутри, грозя разорвать его тело своим мягким, но неумолимым давлением. Паскоу улыбался. Окровавленные губы растянулись, обнажив зубы. В мертвенно-бедном свете луны его загорелая кожа приобрела белизну трупа, который вот-вот зашьют в саван.

Паскоу поднял руку и указал куда-то в сторону. Луис посмотрел туда и застонал. Его глаза широко распахнулись, и он зажал рукой рот. Щекам вдруг стало холодно, и Луис осознал, что плачет от ужаса.

Куча валежника, насчет которой так сильно встревожился Джад Крэндальл, когда Элли туда полезла, теперь превратилась в грудку костей. И они шевелились. Кости стучали, шуршали, терлись друг о друга: челюсти, бедренные и локтевые кости, резцы и коренные зубы; Луис видел оскаленные черепа людей и животных. Фаланги пальцев щелкали. Останки ноги разминали бесцветные суставы.

Да, они шевелились; они подкрадывались...

Паскоу подошел к нему, окровавленное лицо мертвеца, выбеленное лунным светом, было сосредоточенным и суровым. Сознание у Луиса помутилось, в голове, словно заевшая пластинка, вертелась лишь одна мысль: Надо закричать, чтобы проснуться, и не важно, что ты напугаешь Рэйчел, Элли и Гейджа, что ты перебудешь весь дом, всех соседей, надо закричать, чтобы проснуться закричатьчтобыпроснутьсязакричатьчтобыпроснутьсязакричатьчтобы...

Но вместо крика получился лишь тоненький выдох. Как у ребенка, который пытается научиться свистеть.

Паскоу подошел еще ближе и заговорил.

– Нельзя открывать эту дверь, – сказал он, глядя на Луиса сверху вниз, потому что Луис упал на колени. Паскоу смотрел на него с выражением, которое Луис поначалу принял за сочувствие. Но это было отнюдь не сочувствие, а убийственная терпеливость. Паскоу опять указал на груды копошащихся костей. – Не ходи на ту сторону, как бы тебе этого ни хотелось, док. Граница проложена не для того, чтобы ее нарушать. Запомни: там больше силы, чем ты в состоянии себе представить. Эта древняя сила не знает покоя. Запомни.

Луис вновь попытался закричать. И не смог.

– Я пришел как друг, – сказал Паскоу... но действительно ли он произнес слово «друг»? Луису казалось, что нет. Ощущение было такое, что Паскоу говорил на иностранном языке, и Луис понимал его только благодаря волшебству сновидения... а его бедный разум подобрал слово «друг» потому, что оно оказалось наиболее близким незнакомому слову, которое употребил Паскоу. – Твоя гибель и гибель всех, кого ты любишь, уже надвигается, доктор.

Паскоу наклонился так близко к Луису, что тот чувствовал запах смерти.

Паскоу, тянущий к нему руку.

Тихий, сводящий с ума стук костей.

Отклоняясь назад, подальше от этой руки, Луис начал терять равновесие. Его собственная рука задела ближайшее надгробие и повалила его на землю. Лицо Паскоу придвинулось ближе, заслонив собой небо.

– Доктор... запомни.

Луис попытался закричать, и мир завертелся волчком – но он все равно слышал стук шевелящихся костей в освещенном луной склепе ночи.

Человек засыпает в среднем за семь минут, а на то, чтобы проснуться, согласно «Физиологии человека» Хенда, уходит пятнадцать-двадцать минут. Как будто сон – это омут: легко провалиться, но трудно выбраться. Человек просыпается постепенно, переходя от глубокого сна к неглубокому, а далее – к так называемому «бодрствующему сну», когда спящий уже слышит звуки и даже может отвечать на вопросы, хотя сам потом об этом не помнит... или помнит, но считает это обрывками сновидений.

Луис слышал перестук костей, однако постепенно звук становился более резким, более металлическим. Какой-то грохот. Какой-то крик. Потом опять металлическое дребезжание... что-то катилось? Ну да, сонно отозвалось в голове. Покатались косточки.

Он услышал крик дочери:

– Беги за ней, Гейдж! Беги!

После чего раздался восторженный вопль Гейджа, от которого Луис открыл глаза и увидел потолок собственной спальни.

Он лежал неподвижно и ждал, пока явь – прекрасная явь, благословенная явь – не восстановится полностью.

Это был сон. Пусть ужасный, пусть реалистичный, но это был только сон. Странные выверты подсознания.

Вновь раздался металлический лязг. Это по коридору катилась одна из машинок Гейджа.

– Беги за ней, Гейдж!

– Беги! – завопил Гейдж. – Беги-беги-беги!

Топ-топ-топ. Маленькие босые ножки Гейджа протопали по ковровой дорожке, расстеленной в коридоре. Гейдж и Элли заливались смехом.

Луис посмотрел направо. Рэйчел нет, одеяло откинута. Солнце стоит высоко в небе. Он взглянул на часы и увидел, что уже почти восемь. Рэйчел не разбудила его, дала проспать... скорее всего нарочно.

В другой день это его рассердило бы, но не сегодня. Луис сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, глядя на то, как в окно льется солнечный свет, и вбирая в себя ощущения, несомненно, реального мира. В косом луче света плясали пылинки.

Рэйчел крикнула снизу:

– Иди завтракать, Эл, а то скоро приедет автобус.

– Иду! – Громкий топот. – Держи машинку, Гейдж. Мне пора в садик.

Гейдж возмущенно завопил. И хотя слов было не разобрать – кроме машинка, Гейдж, беги и Элли-тобус, – смысл был понятен: Элли надо остаться. На сегодня дошкольное образование можно задвинуть.

Опять голос Рэйчел:

– И разбуди папу, Эл.

Элли ворвалась в спальню. Она была в красном платице, с волосами, собранными в хвостик.

– Я уже не сплю, солнышко, – сказал Луис. – Иди кушать.

– Да, папа. – Она подбежала к нему, поцеловала в небритую щеку и умчалась вниз.

Сон начал таять, стираться. И это было чертовски здорово.

– Гейдж! – позвал Луис. – Иди поцелуй папу!

Гейдж пропустил это мимо ушей. Он несся следом за Элли и вопил во весь голос: «Беги! Беги-беги-беги-БЕГИ!» Луис только и видел, как сын пробежал мимо двери в одних клеенчатых штанишках, надетых поверх подгузника.

Рэйчел крикнула снизу:

– Луис, это ты? Ты проснулся?

– Да. – Он сел на постели.

– Я же сказала, что он проснулся! – воскликнула Элли. – Все, я пошла. Всем пока!

Хлопнула входная дверь. Гейдж обиженно заревел.

– Тебе одно яйцо или два? – спросила Рэйчел.

Луис откинул одеяло и спустил ноги на тряпичный ковер, уже приготовившись крикнуть, что не нужно яиц, он обойдется овсяными хлопьями, и ему пора бежать на работу... но слова застряли в горле.

Его ноги были облеплены грязью и хвоей.

Сердце подпрыгнуло к горлу, как обезумевший чертик из табакерки. Глаза полезли на лоб. Луис прикусил язык, но не почувствовал боли. Он быстро поднял одеяло. Вся постель в ногах кровати была усыпана сосновыми иглами. На простыне расплылись пятна грязи.

– Луис?

Он увидел несколько сосновых иголок у себя на коленях и резко повернул голову, чтобы посмотреть на свое правое плечо. Там красовалась свежая царапина, в том самом месте, где сухая ветка вонзилась в кожу... во сне.

Я сейчас закричу. Я уже чувствую.

Да, он уже чувствовал, как внутри разрастается огромный, холодный страх. Реальность вдруг замерцала, грозя отключиться. Настоящей реальностью были вот эти иголки, эта грязь на постели, эта кровоточащая царапина на плече.

Я сейчас закричу, а потом сойду с ума, и мне больше не придется тревожиться ни о чем...

– Луис? – Рэйчел начала подниматься по лестнице. – Луис, ты там опять заснул?

Эти две-три секунды Луис боролся с собой за себя; он упорно боролся за свой рассудок, гнал прочь страх и растерянность, как это было вчера, когда в клинику принесли умирающего Паскоу. И он победил. Решающим фактором этой победы стала мысль о том, что жена не должна увидеть его таким, она не должна увидеть его грязные ноги, сброшенное на пол одеяло, испачканную постель.

– Я не сплю, – бодро отозвался Луис. Язык он прикусил сильно – во рту чувствовался привкус крови. В голове все плыло, а где-то в глубинах сознания, вдали от происходящего, брезжила смутная мысль, что, может быть, это иррациональное безумие всегда было рядом, просто он его не замечал.

– Тебе одно яйцо или два? – Рэйчел остановилась на второй или третьей ступеньке. Слава Богу.

– Два, – ответил Луис, едва сознавая, что именно он говорит. – Сделай яичницу.

– Хорошо, – сказала она и пошла обратно вниз.

Луис вздохнул с облегчением и на секунду закрыл глаза. Но в темноте ему привиделся серебряный взгляд Паскоу. Луис тут же открыл глаза. Теперь надо действовать быстро, а все размышления отложить на потом. Он сорвал с кровати простыню. Осмотрел одеяло: оно было чистым. Скомкал простыню, вынес ее в коридор и запихнул в желоб, по которому грязное белье спускалось в прачечную в подвале.

Затем почти бегом бросился в ванную, включил душ, встал под струю воды, даже не замечая, что она была обжигающе горячей, и смыл с ног грязь.

Теперь он почувствовал себя лучше, увереннее. Выбрался из душа и взял полотенце. Ему вдруг пришло в голову, что, наверное, нечто похожее чувствуют убийцы, когда им кажется, что они избавились от всех улик. Это его рассмешило. Он вытирался и хохотал, не в силах остановиться.

– Эй, наверху! – крикнула Рэйчел. – Что смешного?

– Да так, вспомнился один случай, – выдавил Луис сквозь смех. Ему было страшно, но он все равно продолжал смеяться. Смех вырывался откуда-то из живота, твердого, как каменная стена. Ему вдруг пришло в голову, что он очень правильно сделал, запихнув грязную простыню в желоб для белья. Мисси Дандридж приходила к ним пять раз в неделю, мыла полы, пылесосила... и стирала белье. В следующий раз Рэйчел увидит ту простыню, когда будет стелить ее на кровать... уже чистую. Возможно, Мисси что-то и скажет Рэйчел, но это вряд ли. Разве что шепотом сообщит мужу о странных сексуальных забавах Кридов с применением грязи и сосновых иголок вместо красок для тела.

От этой мысли Луис рассмеялся еще сильнее.

Последние смешки стихли, когда он уже одевался. Луис вдруг осознал, что ему стало легче. Он не понимал, как такое возможно, но ему действительно стало легче. Комната выглядела абсолютно нормальной, разве что кровать с оголенным матрасом смотрелась немного странно. Он избавился от яда. Возможно, здесь следовало употребить слово «улики», но Луису казалось, что это яд.

Может быть, именно так люди и поступают с необъяснимым, подумал он. С иррациональным, никак не желающим помещаться в нормальные рамки причинно-следственных связей, что управляют нашим западным миром. Может быть, именно так человеческий разум справляется с летающей тарелкой, неподвижно зависшей над полем за домом; с дождем из лягушек; с рукой, которая посреди ночи высовывается из-под кровати и гладит тебя по ноге. Можно смеяться, можно рыдать... но раз оно непостижимо и неподвластно нам и мы все равно ничего с ним не сделаем, лучше не трогать его вообще. И тогда, может быть, ужас исчезнет сам по себе. Выйдет, как почечный камень.

Гейдж сидел на высоком стульчике, ел шоколадные хлопья в виде крошечных медвежат, украшал ими стол и размазывал их себе по волосам.

Рэйчел вышла из кухни с яичницей и чашкой кофе.

– Что тебя так рассмешило? Ты смеялся как ненормальный. Я даже слегка испугалась.

Луис открыл рот, совершенно не представляя, что ответить, но потом вспомнил один анекдот, недавно услышанный в магазине. Анекдот про еврея-портного, который купил попугая, умевшего говорить всего одну фразу: «Ариэль Шарон дрожит».

Когда он закончил, Рэйчел тоже смеялась. Смеялся и Гейдж.

Отлично. Наш герой позаботился обо всех уликах, как то: грязная простыня и безумный смех в ванной. А сейчас наш герой будет читать утреннюю газету – или просто смотреть в нее с умным видом, – чтобы закрепить это утро печатью нормальности.

С этими мыслями Луис развернул газету.

Да, именно так и надо справляться, подумал он с несказанным облегчением. Выведем камень из почек и благополучно об этом забудем... и вспомним разве что ночью в лесу у костра, когда воет ветер, а вы с друзьями сидите, глядите на пламя, и разговор вдруг заходит о необъяснимых явлениях. Потому что ночью в лесу у костра, когда воет ветер, всем словам грош цена.

Он съел яичницу. Поцеловал Рэйчел и Гейджа. На белый квадратный бак для грязного белья у подножия желоба он взглянул только мельком, когда уже выходил. Все было нормально. Утро вновь выдалось просто чудесным. Лето на прощание расстаралось вовсю, и все было нормально. Выезжая из гаража, Луис посмотрел на тропинку, но и там тоже все было нормально. Он даже бровью не повел. Кажется, камень вышел из почек.

Все было нормально, пока Луис не отъехал от дома миль на десять, а потом его так затрясло, что он был вынужден свернуть с дороги на пустую по случаю

утреннего затишья стоянку у китайского ресторанчика неподалеку от окружной больницы Восточного Мэна... куда вчера увезли тело Паскоу. В смысле, в морг при больнице, а не в ресторанчик. Вику Паскоу больше не доведется отведать здесь порцию му-гу-гай-пана, ха-ха.

Дрожь сотрясала его, рвала на части, делала с ним что хотела. Луис ощущал себя абсолютно беспомощным. Ему было страшно – его ужасало не сверхъестественное, в этот ясный солнечный день ни о чем таком даже не думалось, – но ему было страшно от мысли, что он, возможно, сходит с ума. В голову словно вкручивалась спираль из невидимой тонкой проволоки.

– Хватит, – сказал он вслух. – Больше не надо.

Он включил радио и попал на Джоан Баэз, певшую об алмазах и ржавчине. Ее мелодичный, чистый голос успокоил его, и когда песня закончилась, Луис смог ехать дальше.

Приехав в клинику, он поздоровался с Чарлтон и сразу помчался в туалет, в полной уверенности, что выглядит совершенно ужасно. Но нет. Под глазами виднелись легкие синяки, однако их не заметила даже Рэйчел. Он плеснул в лицо холодной водой, вытерся, причесался и пошел к себе в кабинет.

Там сидели Стив Мастертон и врач-индеец Суррендра Харду, пили кофе и разбирали медицинские карты «передового отряда».

– Доброе утро, Лу, – поприветствовал его Стив.

– Доброе утро.

– Будем надеяться, что оно будет добрым, а не таким, как вчера, – сказал Харду.

– Да уж, вы пропустили все веселье.

– Суррендра ночью и сам изрядно повеселился, – усмехнулся Мастертон. – Расскажи ему, Суррендра.

Харду протер очки и улыбнулся.

– Примерно в час ночи двое парней притащили свою подружку. Она была пьяная вдрызг, они отмечали начало учебного года. Она где-то порезала бедро, причем очень сильно. Я сказал: чтобы не было шрама, надо зашить. «Шейте», – сказала она, и я наклонился вот так... – Харду продемонстрировал, как это было, склонившись над воображаемым бедром. Луис тоже заулыбался, уже понимая, к чему все идет. – И пока я накладывал швы, ее стошнило прямо мне на голову.

Мастертон расхохотался. И Луис тоже. Харду улыбался спокойно и безмятежно, словно подобное происходило с ними тысячи раз в тысячах жизней.

– Суррендра, а вы давно на дежурстве? – спросил Луис, отсмеявшись.

– Заступил в полночь, – ответил Харду. – Я уже ухожу. Просто хотел вас дождаться и поздороваться еще раз.

– Значит, здравствуйте, – сказал Луис, сердечно пожимая маленькую смуглую руку индейца. – А теперь идите домой и ложитесь спать.

– Мы почти закончили с нашим «передовым отрядом», – сказал Мастертон. – Воспоем хвалу Господу. Да, Суррендра?

– Я не могу, – улыбнулся Харду. – Я не христианин.

– Тогда воспой что-то другое. «Мгновенную карму», к примеру.

– Сияйте вы оба, – произнес Харду, по-прежнему улыбаясь, и выскользнул за дверь.

Луис и Стив Мастертон проводили его взглядом, потом уставились друг на друга и рассмеялись. Для Луиса этот смех был спасением, такой прекрасный нормальный смех.

– Хорошо, что мы разобрались с медкартами, – заметил Стив. – А то сегодня у нас день открытых дверей. Ждем нашествия наркодильеров.

Луис кивнул. Наркодилерами Мастертон называл торговых представителей фармацевтических компаний, и обычно они начинали съезжаться уже с десяти утра. Стив любил пошутить, что если среда – день спагетти «Принц», то вторник в Мэнском университете – день «Д». «Д» означало всеми любимый дарвон.

– Послушайте добрый совет, о великий босс, – сказал Стив. – Не знаю, как было у вас в Чикаго, но здесь эти ребята не остановятся ни перед чем. Будут вам предлагать всякое разное, от приглашения на ноябрьскую охоту в Аллагаш до бесплатного абонеента в бангорский боулинг-центр. Однажды мне попытались всучить надувную бабу. Мне! А я всего лишь фельдшер! Даже если у них не получится что-нибудь впарить, легкий психоз вам все равно обеспечат.

– А что ж вы не взяли ту надувную бабу?

– Она была рыжая. Не в моем вкусе.

– Я согласен с Суррендрой, – сказал Луис. – Все, что угодно, лишь бы не так, как вчера.

18

Когда представитель компании «Апджон» не явился ровно в десять, Луис не выдержал, позвонил в канцелярию и попросил миссис Стейплтон как можно скорее передать ему копию личного дела Виктора Паскоу. Стоило ему повесить трубку, как прибыл человек из «Апджона». Он не пытался продать Луису лекарства, а только спросил, не интересуется ли его сезонный билет на матчи «Патриотов Новой Англии» с большой скидкой.

– Не интересуется, – ответил Луис.

– Я так и думал, – хмуро проворчал человек из «Апджона» и тут же откланялся.

В полдень Луис сходил в кафе и взял сандвич с тунцом и кока-колу. Он решил, что пообедаст у себя в кабинете, пока будет просматривать личное дело Паскоу. Он искал связь между Паскоу и собой или Норт-Ладлоу, где располагалось кладбище домашних животных... смутно надеясь, что даже такому безумному происшествию должно быть какое-то рациональное объяснение. Может быть,

парень вырос в Ладлоу... может быть, даже похоронил на том кладбище кошку или собаку.

Но никакой связи не обнаружилось. Паскоу был родом из Бергенфилда, штат Нью-Джерси. В Мэнском университете он изучал электротехнику. Луис внимательно просмотрел все материалы личного дела и не нашел никакой связи между собой и молодым человеком, умершим в приемной университетской клиники, – за тем исключением, что Паскоу скончался у него на руках.

Луис допил кока-колу, скребя соломинкой по дну бумажного стаканчика, потом собрал со стола весь мусор и выбросил его в ведро. Обед был легким, но Луис съел его с аппетитом. Он чувствовал себя на удивление неплохо. Дрожь больше не возвращалась, и даже утренние страхи воспринимались теперь как не очень удачная, скверная шутка, скорее похожая на сон.

Луис побарабанил пальцами по столу, пожал плечами и снова взялся за телефонную трубку. Он набрал номер окружной больницы Восточного Мэна и попросил соединить его с моргом.

Когда его соединили с дежурным патологоанатомом, Луис представился и сказал:

– У вас там наш студент, Виктор Паскоу...

– Уже нет, – ответил голос в трубке. – У нас его нет.

У Луиса перехватило дыхание. Наконец он сумел выдавить:

– Что?

– Тело отправили самолетом к родителям, еще прошлой ночью. Приехал парень из похоронной конторы и все устроил. Его увезли рейсом «Дельты»... – Шелест бумаг. – Рейс номер сто девять. А вы что подумали? Что он сбежал на дискотеку?

– Нет, – ответил Луис. – Конечно, нет. Просто...

Что «просто»? Зачем он вообще стал куда-то звонить? Тому, с чем он столкнулся, все равно нет разумного объяснения. Лучше об этом забыть, выбросить из головы. Лучше это не трогать, чтобы не сделалось еще хуже. – Просто как-то все быстро, – нескладно закончил он.

– Ну, вскрытие было вчера. – Снова тихое шуршание бумаг. – Около трех двадцати. Вскрытие проводил доктор Риджвик. К тому времени отец покойного уже обо всем договорился. Думаю, к двум часам ночи тело прибыло в Ньюарк.

– Хорошо, в таком случае...

– Если, конечно, его не отправили по ошибке в другое место, – радостно произнес голос в трубке. – Такое случается. Хотя справедливости ради замечу, не с «Дельтой». «Дельта» работает как часы. Помню, был у нас парень, погиб на рыбалке в округе Арустук, у какого-то крошечного городишки из тех, что даже на картах не обозначают. Так вот, этот дятел глушил пиво из банки, а колечко на крышке оторвалось и попало ему в дыхательное горло. Так он и задохнулся. Пока его друзья-приятели выбирались из той глуши, прошло двое суток, а вы сами знаете, что на таких сроках нельзя дать гарантии, как себя поведет бальзамирующий препарат: возьмется он или нет. Но они все равно закачали в него что положено, в надежде на лучшее. В общем, отправили парня домой в Гранд-Фоллс, штат Миннесота. В багажном отсеке какого-то авиалайнера. Но что-то там напутали. Сначала его привезли в Майами, потом – в Де-Мойн, потом – в Фарго в Северной Дакоте. Наконец кто-то смекнул, что к чему, но к тому времени прошло еще трое суток. Препараты, как выяснилось, не взялись. С тем же успехом в него можно было закачать какой-нибудь лимонад. Парень весь почернел и вонял, как протухшая свинина. Я сам не присутствовал, но мне рассказали. Шестерым носильщикам стало плохо.

На том конце линии раздался веселый смех.

Луис закрыл глаза и сказал:

– Ладно, спасибо...

– Если хотите, могу дать вам домашний телефон доктора Риджвика, но по утрам он обычно играет в гольф в Ороно.

– Да нет, спасибо. Не надо. – И Луис повесил трубку.

Вот на этом давай и закончим, подумал он. Когда тебе снился тот бредовый сон – или что это было, не знаю, – тело Паскоу лежало в бергенфилдском похоронном бюро. Все, тема закрыта, и больше мы к этому не возвращаемся.

По дороге домой ему в голову наконец пришло простое и внятное объяснение грязным следам на постели, и Луис вздохнул с облегчением.

Это был единичный случай сомнамбулизма, или снохождения, вызванный потрясением от трагической смерти студента у него на руках в первый же рабочий день на новом месте.

Это объясняло все. Сон казался таким реалистичным, потому что большая его часть и была реальной: узелки ковра под ногами, холодная роса, сухая ветка, оцарапавшая плечо. Это объясняло, почему Паскоу смог пройти сквозь закрытую дверь, а сам Луис не смог.

Он представил себе картину: Рэйчел ночью спускается в кухню и видит, как он бьется в закрытую дверь в лунатическом трансе. Подумав об этом, Луис усмехнулся. Рэйчел, наверное, перепугалась бы не на шутку.

Гипотеза о снохождении изрядно его успокоила, теперь он мог проанализировать причины ночного происшествия – чем немедленно и занялся. Он пошел на кладбище домашних животных, потому что в его сознании оно было связано с другим сильным стрессом. Оно было причиной серьезной ссоры с женой... вдобавок к тому, рассуждал Луис с нарастающим возбуждением, оно ассоциировалось у него с непростым разговором с дочерью, когда та впервые столкнулась с идеей смерти, а вчера вечером его собственное подсознание тоже было захвачено этой идеей.

Мне еще повезло, что я благополучно добрался до дома – даже не помню, как это было. Наверное, дошел на автопилоте.

И хорошо, что дошел. Ему страшно было представить, как он проснулся бы утром на могиле котика Смаки, растерянный, мокрый от росы и, вероятно, напуганный

до полусмерти... а уж как бы перепугалась Рэйчел!

Но теперь все закончилось.

И все, можно об этом забыть, подумал Луис с несказанным облегчением. Да, а как же слова, которые он произнес перед смертью? – отозвалось у него в голове, но Луис быстро прогнал эту мысль.

Вечером, когда Рэйчел гладила белье, а Элли с Гейджем смотрели по телевизору «Маппет-шоу», сидя рядышком в одном кресле, Луис сказал Рэйчел, что хочет пройтись, подышать свежим воздухом.

– Но ты вернешься, когда я буду укладывать Гейджа? – спросила Рэйчел, не отрываясь от глажки. – Ты же знаешь, он быстрее засыпает, когда ты рядом.

– Да, конечно, – ответил он.

– Ты куда, папа? – поинтересовалась Элли, не отрываясь от телевизора, где мисс Пигги как раз собиралась засветить в глаз лягушонку Кермиту.

– Просто пойду погуляю, солнышко.

Луис вышел из дома.

Через пятнадцать минут он уже стоял на кладбище домашних животных, с любопытством оглядываясь и борясь с сильным ощущением deja-vu. Вне всяких сомнений, он побывал здесь ночью: надгробие котика Смаки было повалено. Луис его свалил, когда к нему приблизился призрак Паскоу, в самом конце той части сна, которую он запомнил. Луис рассеянно поправил упавшую плиту и подошел к куче валежника.

Ему не нравился этот валежник. От воспоминаний о том, как эти выбеленные непогодой сухие деревья превратились в груды костей, его по-прежнему бросало в дрожь. Он заставил себя протянуть руку и потрогать одну из веток, лежавших сверху. Толстая ветка с неожиданной легкостью сдвинулась и обрушилась вниз. Луис едва успел отскочить, чтобы она не задела его по ноге.

Он прошелся вдоль кучи валежника, сначала влево, потом вправо. С обеих сторон к ней примыкал густой, непроходимый подлесок. Сквозь эти кусты просто так не проломиться, подумал Луис. Если, конечно, ты не совсем идиот. У самой земли сплошным ковром расстился ядовитый плющ (Луис не раз слышал, как люди хвалились, будто невосприимчивы к его яду, но знал, что на самом деле таких почти нет), а дальше, опять сплошной стеной, стояли колючие заросли терновника.

Луис вернулся к центру кучи валежника. Он стоял и смотрел на нее, засунув руки в задние карманы джинсов.

Ты же не собираешься на нее лезть, да, дружище?

Только не я, босс. Я же не идиот.

Вот и славно. А то я уже испугался, Лу. Это прямая дорога в родную клинику со сломанной ногой.

Это да! И к тому же уже темнеет.

Уверенный в собственном благоразумии, Луис начал взбираться на кучу валежника.

Он был уже на полпути вверх, когда стволы под ногами сдвинулись с громким треском.

Покатались косточки, док.

Когда валежник снова просел под ногами, Луис полез обратно. Подол его рубашки выбился из-под пояса джинсов.

Луис благополучно спустился на землю, отряхнул ладони от крошек сухой коры и пошел к началу тропинки, что приведет его к дому: к детям, ждавшим от него сказки на ночь, к Черчу, который завтра лишится членства в мужском клубе дамских угодников, к вечернему чаю с женой на кухне, когда дети улягутся спать.

Он еще раз обвел взглядом поляну, пораженный ее зеленым безмолвием. Клочья тумана, возникшего словно из ниоткуда, расползлись по земле, обвивая надгробия. Эти концентрические круги... словно, даже не подозревая об этом, поколения детишек Норт-Ладлоу сооружали уменьшенную копию Стоунхенджа.

Но точно ли это все, Луис?

Хотя он успел только мельком заглянуть за кучу валежника, прежде чем занервничал из-за проседающих стволов и спустился обратно, Луис мог бы поклясться, что с той стороны тоже была тропинка, уходившая дальше в лес.

Это тебя не касается, Луис. И больше мы к этому не возвращаемся, мы же договорились.

Как скажешь, босс.

Луис повернулся и пошел домой.

Он долго не ложился спать. Рэйчел поднялась в спальню еще час назад, а Луис сидел в кабинете при кухне и просматривал давно прочитанные медицинские журналы, не желая признаться себе, что его пугает сама мысль о том, чтобы лечь – чтобы заснуть. Раньше он не страдал сомнамбулизмом, и вчерашняя ночь могла оказаться вовсе не единичным случаем... но откуда ему было знать, так это или не так.

Он услышал, как Рэйчел встала с кровати, вышла в коридор и тихонько позвала:

– Лу? Дорогой? Ты идешь?

– Уже иду. – Он выключил лампу и поднялся из-за стола.

В ту ночь он засыпал значительно дольше семи минут. Он лежал в темноте, слушая ровное, глубокое дыхание спящей Рэйчел, и призрак Паскоу казался все меньше похожим на сон. Стоило только закрыть глаза, и Луису очень живо представлялось, как распахивается дверь спальни и на пороге появляется

специальный гость нашей программы, Виктор Паскоу, в красных спортивных трусах, мертвенно-бледный под летним загаром, с торчащей наружу ключицей.

Луис соскальзывал в сон, размышляя о том, каково было бы сейчас оказаться на КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ, не в сновидении, а наяву, каково было бы смотреть на эти неровные концентрические круги, залитые лунным светом, а потом возвращаться домой по тропинке в ночном лесу. Луис думал об этом и немедленно просыпался.

Он заснул уже после полуночи, и в этот раз ему ничего не приснилось. Он проснулся ровно в семь тридцать под звуки холодного осеннего дождя, бьющегося в окно. Не без опасений поднял одеяло. Простыня в ногах постели была безукоризненно чистой. Ни один уважающий себя пурист не назвал бы безукоризненными его ноги с кольцами мозолей на пятках, но они тоже были чистыми.

Луис поймал себя на том, что насвистывает в ду?ше.

19

Мисси Дандридж присматривала за Гейджем, пока Рэйчел отвозила Уинстона Черчилля к ветеринару. В ту ночь Элли заснула только в двенадцатом часу. Она капризничала весь вечер, жаловалась, что не может спать без Черча, и постоянно просила пить. В конце концов Луис сказал, что больше не даст ей воды, опасаясь, что ночью она описается. Элли ударилась в слезы и рыдала так горько, что Луис с Рэйчел тупо уставились друг на друга.

– Она боится за Черча, – сказала Рэйчел. – Ей надо выплакаться, Лу.

– Долго так продолжаться не может, – отозвался Луис. – Она скоро устанет и успокоится. Я надеюсь.

И он был прав. Уже очень скоро хриплые, яростные рыдания Элли обернулись сдавленными всхлипами и стонами, а потом и вовсе затихли. Когда Луис заглянул в детскую, он увидел, что Элли спит на полу в обнимку с кошачьей корзиной, в которой сам Черч еще ни разу не соизволил заснуть.

Луис уложил дочь в кровать, ласково убрал волосы с ее мокрого лба и поцеловал. По внезапному наитию он сходил в маленькую комнатушку, служившую кабинетом Рэйчел, взял лист бумаги, написал на нем крупными печатными буквами: «БУДУ ЗАВТРА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЧЕРЧ» – и оставил листок на подушке в кошачьей корзинке. Потом пошел искать Рэйчел. Она уже лежала в постели. Они занялись любовью и заснули в объятиях друг друга.

Черч вернулся домой в пятницу, под конец первой рабочей недели Луиса. Элли окружила его вниманием, потратила часть своих карманных денег на большую упаковку кошачьих лакомств и едва не ударила Гейджа, когда тот попытался схватить кота. Гейдж расплакался так, как никогда не ревел, получив нагоняй от родителей. Выговор от Элли был для него равносителен выговору от самого Господа Бога.

Луис смотрел на Черча, и ему было грустно. Он сам понимал, как это нелепо, но ему все равно было грустно. От бывлой дерзкой удали Черча не осталось и следа. Он уже не расхаживал с видом лихого бандита; его походка сделалась медленной и осторожной, как у выздоравливающего больного. Он брал корм из рук Элли. Он не проявлял желания выйти из дома, даже в гараж. Он изменился. Может быть, и к лучшему.

Ни Рэйчел, ни Элли, кажется, ничего не заметили.

20

Бабье лето пришло и ушло. Деревья вспыхнули буйством красок, но краски быстро поблекли. После одного холодного ливня в середине октября листья начали опадать. Элли возвращалась из садика, нагруженная хэллоуинскими украшениями, которые делала на занятиях. Однажды она рассказала Гейджу историю о всаднике без головы, и весь вечер Гейдж радостно лопотал о каком-то дяденьке по имени Икабод Хрень. Рэйчел смеялась до слез. Это было хорошее время для них всех – та ранняя осень.

На работе у Луиса все шло своим чередом, он постепенно свыкался с подчас изнурительным, но не лишенным приятности распорядком. Он осматривал пациентов, ходил на собрания университетского совета, писал добровольно-

принудительные статьи в студенческую газету, в которых предостерегал учащихся от самолечения венерических заболеваний и советовал делать прививки от гриппа, поскольку зимой вновь ожидалась эпидемия. Присутствовал на совещаниях. Председательствовал на совещаниях. Во вторую неделю октября поехал в Провиденс на конференцию работников университетской медицины Новой Англии, где выступил с докладом о юридических последствиях медицинского обслуживания студентов. Виктор Паскоу упоминался в докладе под вымышленным именем «Генри Монтес». Доклад приняли хорошо. Луис начал составлять бюджет университетской клиники на следующий учебный год.

Вечера тоже вошли в привычную колею: игры с детьми после ужина, пиво с Джадом Крэндаллом перед сном. Иногда Рэйчел тоже ходила с ним, если Мисси соглашалась часок посидеть с детьми, иногда к ним присоединялась Норма, но обычно Луис с Джадом сидели вдвоем. Старик казался Луису уютным, как домашние тапочки, он знал историю Ладлоу за последние триста лет и рассказывал о ней так, словно видел все это своими глазами. Он говорил много, но интересно. Луису никогда не бывало скучно, хотя он не раз замечал, как Рэйчел зеваает, прикрыв рот рукой.

Обычно Луис возвращался домой около десяти, и почти каждый вечер они с Рэйчел занимались любовью. После первого года брака они еще никогда не любили друг друга так часто, с таким пылом и удовольствием. Рэйчел считала, что дело в здешней воде из артезианских скважин; Луис грешил на мэнский воздух.

Страшная смерть Виктора Паскоу в первый день осеннего семестра постепенно стиралась из памяти и студенческой братии, и самого Луиса, хотя родные Паскоу, без сомнения, еще горевали. Луис разговаривал по телефону с отцом Паскоу – скорбным и, к счастью, безликим голосом; отец хотел лишь одного: услышать от Луиса, что тот сделал все возможное, чтобы спасти его сына. Луис уверил его, что так и было. Он не стал говорить о смятении и страхе, о кровавом пятне, расплывшемся по ковру, о том, что его сын уже умирал, когда его принесли в клинику – о тех подробностях, которые сам Луис, как ему представлялось, не забудет до конца своих дней. Но для всех остальных смерть Паскоу уже стерлась из памяти.

Луис еще помнил свой сон и связанный с ним случай сомнамбулизма, но теперь все это казалось далеким и смутным, словно произошло с кем-то другим, с каким-нибудь дальним знакомым или героем старой телепередачи. Точно так же

ему вспоминался его единственный в жизни визит к проститутке в Чикаго шесть лет назад: совершенно незначимый, эпизодический случай, кратковременное отклонение от маршрута, отдающееся мнимым эхом, словно звуки в эхо-камере.

Он совершенно не думал о том, что сказал или не сказал умирающий Паскоу.

В ночь Хэллоуина изрядно похолодало. Луис и Элли начали с Крэндаллов. Хохоча во все горло, Элли проехала на метле по кухне Нормы и получила положенную похвалу.

– Самая милая ведьма из всех, что мне доводилось видеть... да, Джад?

Джад согласился с женой и закурил.

– Луис, а где Гейдж? Думал, вы и его нарядите.

Они собирались взять Гейджа с собой – Рэйчел особенно не терпелось его нарядить, потому что они с Мисси Дандридж смастерили ему что-то вроде костюма жука с усиками из перекрученных металлических вешалок, обернутых гофрированной бумагой, – но Гейдж простудился и кашлял. Луис прослушал его легкие (в них были хрипы), взглянул на термометр за окном (всего сорок градусов по Фаренгейту [1 - 4,4°C. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.] в шесть часов вечера) и объявил, что Гейдж остается дома. Рэйчел немного расстроилась, но спорить не стала.

Элли обещала принести Гейджу конфет, однако ее преувеличенное сочувствие наводило на мысли, что она даже рада, что Гейдж никуда не пойдет и не будет ее задерживать... и не помешает ей оставаться в центре внимания.

– Бедный Гейдж, – сокрушалась она тоном, какой обычно прибегают для смертельно больных. Гейдж, не знавший о том, что ему предстоит пропустить, сидел на диване и смотрел мультики по телевизору. Рядом с ним дремал Черч.

– Элли-ведьма, – ответил Гейдж без особого интереса и снова уставился в телевизор.

– Бедный Гейдж, – повторила она еще раз с тяжелым вздохом.

Луис подумал о крокодиловых слезах и улыбнулся. Элли схватила его за руку и потянула к двери:

– Папа, пойдем. Ну пойдем же, пойдем.

– Гейдж что-то раскашлялся, – сказал Луис Джаду.

– Как жалко, – заметила Норма. – Ну ничего. В следующий раз ему будет еще интереснее. Подставляй свой мешок, Элли... ой!

Она взяла из большой вазы на столе яблоко и «Сникерс», но не удержала их в руке. Луис даже поразился тому, какой слабой и скрюченной была эта рука. Он наклонился и поднял яблоко с пола. Джад подобрал «Сникерс» и бросил его в мешок Элли.

– Возьми лучше другое яблоко, милая, – предложила Норма. – А то это побилось.

– Ничего страшного, – возразил Луис, пытаясь положить яблоко в мешок Элли, но та сделала шаг назад и прижала к себе мешок.

– Я не хочу битое яблоко, папа, – сказала она, глядя на отца как на ненормального. – На нем будут темные пятна... фу!

– Элли, это невежливо!

– Не ругайте ее за правду, Луис, – попросила Норма. – Только дети говорят то, что думают. На то они и дети. Темные пятна – это и вправду фу.

– Спасибо, миссис Крэндалл, – произнесла Элли с победоносным видом.

– На здоровье, моя хорошая, – отозвалась Норма.

Джад проводил их на крыльцо. К дому как раз подошли два маленьких привидения, в которых Элли узнала друзей по садику. Она увела их обратно на кухню, и на какое-то время Луис с Джадом остались вдвоем на крыльце.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

4,4°C. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

Купить: <https://knigopoisk.com/stiven-king/kladbische-domashnih-zhivotnyh-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)